

Ксавье де Монтепен

Чревовещатель

MMB-Text

Ксавье де Монтпен Чревовещатель

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3949385
Чревовещатель / Ксавье де Монтпен : [пер. с франц.]:*

Аннотация

Ксавье де Монтпен – популярный французский романист, автор многочисленных бестселлеров XIX века. За долгие годы литературного творчества Монтпен заслужил славу тонкого психолога и великолепного мастера слова.

«Чревовещатель» – остросюжетный детективный роман, в котором головокружительная интрига соединяется с неожиданной развязкой.

В замке близ нормандского городка Рошвиль совершено зверское преступление. Власти городка в замешательстве. Из Парижа приезжает знаменитый сыщик Жобен, успевший прославиться своим чутьем. Подозрения падают на чревовещателя по прозвищу Сиди-Коко, прибывшего в город вместе со своей бродячей трупой. Однако на допросе выясняется нечто, что приводит в недоумение даже гениального сыщика...

Содержание

I	4
II	7
III	10
IV	13
V	16
VI	19
VII	22
VIII	25
IX	28
X	31
XI	33
XII	35
XIII	37
XIV	39
XV	41
XVI	44
XVII	46
XVIII	48
XIX	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Ксавье де Монтепен

Чревовещатель

I

Рошвиль, главный городок округа с населением всего в восемьсот человек, обладал неповторимой прелестью. Он находился на расстоянии двадцати километров от станции Малоне, в живописной долине, орошаемой чистым и прозрачным ручейком, в котором водились крупные форели и раки. Долина как-то внезапно расширялась и округлялась в форме древнего амфитеатра, словно для того, чтобы городок показал во всей красе свои низенькие домики с поросшими мхом кровлями, свои яблочные сады, из обильных плодов которых здесь готовили прекраснейший сидр, и свои луга, на которых паслись славные жирные быки.

В четырехстах метрах от последнего рошвильского дома располагался большой сад или, скорее, целый парк. В нем на площади от четырех до пяти гектаров росли древние липы, великаны каштаны, а лужайки были покрыты прекрасными цветами. Парк этот окружала стена высотой от двух до двух с половиной метров. Железная, украшенная бронзой решетка служила воротами в парк. Через отверстия в этой решетке можно было рассмотреть дом, который находился в конце длинной, усаженной двойным рядом огромных яблонь аллеи. Это было двухэтажное здание старинной постройки с высокой крутой кровлей, увенчанной чем-то вроде башенки с флюгером в форме охотника, стреляющего по зайцу.

Несмотря на то что этот дом не имел ничего общего с рыцарскими сооружениями, его всегда называли замком; достоверно известно, что он некогда принадлежал господам Рошвилям, чей род совсем уже угас. О существовании довольно обширных хозяйственных пристроек можно было только догадываться: они скрывались за окружавшей их роскошной растительностью.

Утро двадцать пятого сентября 1874 года было чудесным. Радостные лучи солнца, полускрытого облаками, заливали пожелтевшие поля, луга и леса теплым светом. Веселый добродушный здоровяк остановился перед воротами замка и позвонил в колокольчик. Познакомимся с наружностью незнакомца. Двадцати пяти лет от роду, очень смуглый, с усами и недельной бородой, незнакомец был в серой блузе, широкой соломенной шляпе и в высоких сапогах из желтой кожи. На левом плече у него висела тяжелая, с виду охотничья, сумка, а на правом – старинное двуствольное ружье. За ним следовала большая легавая собака с поджарым животом.

В ту самую минуту, как незнакомец позвонил в дверь, на церковной колокольне, находившейся прямо напротив замка, на другом конце городка, пробило восемь часов. Прибавим кстати, что Рошвиль уже три года принадлежал господину Домера, богатому владельцу судов в Гавре. Бездетный вдовец, господин Домера всю свою любовь перенес на племянников – сирот, не имевших никакого состояния, Леонтину и Жоржа Праделей. Как ни был господин Домера поглощен своими торговыми делами, он ежегодно проводил по несколько недель в Рошвиле с тех пор, как стал его владельцем. В отсутствие господина Домера присматривать за замком было поручено Жаку Ландри, старому моряку, и его дочери, Мариетте Ландри, крестнице господина Домера, прекрасному и доброму созданию. Жорж Прадель, двадцатипятилетний племянник господина Домера, был теперь лейтенантом зуавов и с 1871 года находился со своим полком в Африке, в Алжирской провинции.

Леонтина была гораздо младше брата. Ей едва исполнилось семнадцать, и она только что окончила свое образование в одном из крупных парижских пансионов. Обрадованная своим освобождением из пансиона, она с большим удовольствием взялась заведовать домом

своего дяди в Ингувилле, откуда господин Домера выезжал весьма редко. Вернемся теперь к решетке Рошвильского замка.

Усатого молодца, с виду похожего на браконьера, звали Сильвен. Позвонив в колокольчик, он стал ждать, когда ему отпрут. Его большая поджарая собака растянулась в пыли у его ног и, положив морду на вытянутые лапы, закрыла глаза. Но вдруг ее охватило какое-то непонятное беспокойство. Она резко вскочила и принялась, а затем бросилась к решетке и просунула голову между прутьев. Шерсть на спине собаки взъерошилась – верный признак тревоги. Из груди животного вырвалось какое-то хриплое, протяжное, зловещее рычание.

Сильвен вздрогнул и нахмурил брови. Когда собака опять заворчала, он с силой толкнул ее ногой и выругался:

– Тысяча чертей, Раважо!.. Замолчишь ты или нет?.. И кто только подsunул мне такую дрянную и глупую собаку, которая рычит среди белого дня? Где это видано?.. Ну же, бездельник!.. Назад или я тебя!..

Собака повиновалась приказу хозяина или, скорее, угрожающему жесту, который сопровождал его слова. Она опять улеглась, повернув морду к решетке. Шерсть на ней взъерошилась еще больше, ноздри дрожали, а глаза были неподвижно устремлены в одну точку. Не смея рычать, она только как-то судорожно вздрагивала и глухо стонала. Прошла минута, но в яблочной аллее не было заметно ни малейшего движения.

– Ну же!.. – нетерпеливо проворчал Сильвен. – Наверно, Жак и Мариетта сегодня очень плотно завтракают! Однако я позвонил так, что мог бы разбудить глухих!.. – И он позвонил опять, крайне настойчиво.

В то же самое время к решетчатой калитке замка направлялась группа из трех лиц. Первым шел мальчик лет пятнадцати в белом переднике и с большой корзиной на непричесанной голове. За ним следовала девушка с корзинкой в руке – в ней виднелась свежая рыба с голубоватыми и серебристыми чешуйками. Шествие заключал деревенский фактор¹, которого легко было узнать по особенной форме обуви и по красному воротнику голубой блузы. Эти трое остановились в четырех шагах от Сильвена, который, видя, что и второй его звонок остался без ответа, нетерпеливо стучал ногой.

– Можно подумать, что вы здесь с самого раннего утра, господин охотник! – со смехом обратилась к нему девушка. – И почему же у вас такое недовольное и злое лицо?.. Мы еще издали услышали, как вы бранитесь...

– Почему? – грубо и резко прервал ее Сильвен. – Да потому, что я жду уже пять минут, и мне это неприятно!.. Маленькая Жервеза, которую взяли в замок для помощи по хозяйству, вчера вечером приходила ко мне заказать дичь к столу Мариетты. Едва забрезжил свет, как я отправился на охоту. И вот заяц и пять куропаток. Я обещал Жервезе прийти в восемь часов, а сейчас ровно восемь. Я звонил громко, очень громко – но меня заставляют любоваться закрытой дверью! Вы находите это смешным?

Девушка, которую звали Колетт, с лукавой усмешкой ответила ему:

– Выйдя от вас, Жервеза зашла и к моему отцу за рыбой. Отец поставил вершу² и забросил сети. Вот трехфунтовый линь и две форели, а в моей корзине четыре дюжины крупных раков, каких не часто удастся наловить! Мариетта наверняка будет довольна.

– А у меня с собой кусок баранины в шесть фунтов и большой шмат бычьего филе, – с гордостью проговорил мальчик в белом переднике. – Жервеза сказала хозяину, что Мариетта приказала прислать самый что ни на есть отборный кусок.

– Ах, черт возьми! – воскликнул Сильвен. – Самый настоящий пир!.. Не буржуа ли в замке?

¹ Фактор – носильщик, исполнитель частных поручений, почтальон.

² Верша – рыболовная снасть в виде корзины конической формы с узким входом.

– Жервеза говорила, что Мариетта кого-то ждет. Быть может, господин Домера приехал.

Теперь заговорил деревенский фактор, который до сих пор не раскрывал рта.

– Очень может быть, – сказал он. – Я вчера принес письмо от него, из Парижа, к Жаку Ландри... О! Я знаю его почерк и печать!.. И я вас попрошу даже, мои друзья, так как нам решительно не хотят отворять, взять у меня вот это письмо и передать его по назначению. Оно только что пришло из Гавра... Мне столько домов нужно обойти! И если я буду по десять минут ждать у каждой двери, то начальство непременно заподозрит меня в том, что я вместо исполнения своих обязанностей разгуливаю по кабачкам, и пожалуется высшему начальству...

– Правда, правда, дядюшка Этьен!.. – ответил ему Сильвен. – Давайте письмо и не беспокойтесь – оно будет передано по назначению.

– Большое вам спасибо, милейший, и до свидания!.. – И деревенский фактор приподнял свою соломенную шляпу, вытряхнул пепел из трубки и быстрым шагом направился дальше.

В замке по-прежнему царил молчание, и яблочная аллея оставалась пустой.

– Они, черт возьми, просто насмеются над нами! – сердито закричал Сильвен. – Тысяча чертей! Но подождите, я могу поклясться чем угодно, что заставлю их услышать!.. – И он опять принялся звонить и звонил секунд двадцать-тридцать с неистовой силой.

Когда он перестал звонить, до всех троих смутно долетел какой-то слабый, неопределенный шум.

– Слышали? – воскликнул Сильвен.

– Да, – ответила Колетт. – Мне кажется, да, я слышала что-то... но что же?

– Пожалуй, это был стон, – пробормотал мальчик, принесший мясо.

В ту же самую минуту Раважо, большая сухопарая собака, вскочила с места, прыгнула к решетке и, просунув морду между перекладинами, вновь издала то злое рычание, которое так не понравилось ее господину незадолго до этого.

II

Сильвен пришел в ярость от такого неповиновения. Он схватил собаку за ошейник, грубо отдернул ее назад, едва не задушив, и с такой силой отбросил в сторону, что несчастное животное скатилось в глубокий ров, где и осталось лежать неподвижное и дрожащее. После этого он стал внимательно прислушиваться, надеясь снова уловить долетевший до них звук. Но больше ничего не было слышно... Всей троицей стало овладевать смутное беспокойство.

– Все это как-то неестественно, – первым заговорил Сильвен.

– О да! Весьма неестественно, – подтвердила Колетт.

– Жак Ландри, – продолжал Сильвен, – всегда на ногах с раннего утра, зимой и летом, это всем известно... Часто, проходя мимо парка еще до рассвета, я слышал, как он, старый моряк, посвистывает и разговаривает сам с собой, осматривая со всех сторон ограду...

– Мариетта тоже не ленива, – прервала его Колетт, – и не любит, когда ее корове, козе и курам приходится дожидаться своего утреннего корма...

– А Мунито!.. – вдруг воскликнул Сильвен. – Мы о нем совсем забыли... Мунито, который на летающую муху, бывает, лает так долго и громко, что хрипит до следующего вечера! И он даже не шевелится!.. Я звонил так, будто за мной гонится целая толпа разбойников, а Мунито хоть бы что!.. Раважо ворчит и сердится, а Мунито молчит!.. Что бы это могло значить? Разве только Жак с Мариеттой ушли куда-нибудь, взяв с собой и собаку?

Колетт отрицательно покачала головой.

– Ушли?.. – переспросила она. – Оба?.. И куда им идти?.. Но Мариетта по крайней мере осталась бы в замке, чтобы дожидаться нас! Ведь она знала, что мы придем... И наконец, даже если бы Жак с Мариеттой ушли вместе, они наверняка оставили бы Мунито стеречь дом...

– Все это правда, – проворчал Сильвен, – но тем не менее никто не шевелится... Уж не случилось ли чего ночью? – прибавил он, понизив голос. – Нужно посмотреть... Раз нам не отпирают, попробуем войти сами.

– Попробуйте, – сказала Колетт, – быть может, получится отпереть решетку, просунув через нее руку и приподняв засов.

Сильвен попробовал сделать это, но безуспешно.

– Невозможно! – сказал он, пожимая плечами. – Посмотрите сами, тут цепь с висячим замком... Нужна пушка, чтобы сломать это!

– Скажите, Сильвен, разве Жак Ландри обычно принимает столько предосторожностей против воров?

– Я в первый раз вижу эту цепь и замок, и это меня удивляет тем более, что в наших краях уже давно не слышно разговоров о каких-либо негодях... Какого же черта, прости меня, Пресвятая Богородица, он опасается, старый моряк?..

– Сильвен, я боюсь...

– Ну, не будем заходить слишком далеко в своих предположениях... Быть может, ничего и не случилось. Но нужно проверить это. Вперед, на стену!.. – И, уперев свое ружье в стену, Сильвен обеими руками схватился за железную перекладину и с удивительной быстротой и ловкостью забрался на самый верх стены.

– Спрыгните на ту сторону и сразу бегите к замку! – крикнула ему Колетт.

Сильвен, однако, не последовал ее совету, а возвратился к ней.

– Странное дело! – проговорил он.

– О мой бог!.. Что еще?..

– В десяти шагах отсюда к стене приставлена лестница... Очевидно, что ею воспользовались для того, чтобы перебраться через стену ночью...

Девушка хотела ответить, но Сильвен вдруг прошептал:

– Тише! Слушайте!

Послышался тот же самый неопределенный шум, на который Раважо опять ответил глухим и сердитым ворчанием. Теперь уже сомнений не оставалось: это был чей-то хриплый стон.

– Я вижу, там, в глубине аллеи, что-то шевелится, – проговорил Сильвен. – Можно подумать, что это животное. Оно поднимается, опять падает, еще раз поднимается... Собака... Я узнаю ее... Это Мунито! Без сомнения, он ранен, быть может, умирает...

– Идите же и посмотрите, – взмолилась Колетт. – Я изнываю от страха и неизвестности.

Сильвен проворно взобрался наверх и сел верхом на решетчатую дверь. Потом проворно и ловко спустился вниз по железной перекладине, рискуя содрать всю кожу с рук. Как только ноги его коснулись земли, он пустился бежать к замку по аллее, пока не наткнулся на неподвижное и почти бездыханное тело Мунито.

Мунито был прекраснейшим чистопородным бульдогом средних размеров и совершенно белым, за исключением черного пятна вокруг левого глаза, которое придавало ему поразительное сходство с каким-нибудь английским кулачным бойцом. Господин Домера приобрел его в Лондоне. Хозяева любили Мунито не только за его своеобразную красоту и исключительную силу, но и за необыкновенную понятливость и безупречную верность. Едва ли можно было в рошвильском округе и в соседних округах найти другую такую же безупречную сторожевую собаку. Однажды, увидев в парке вора, задумавшего обобрать яблони, Мунито схватил его за подол куртки и, несмотря на сильное сопротивление, привел его, или, скорее, притащил к Жаку Ландри.

В настоящую минуту бедное животное билось в предсмертной агонии. Вся его шерсть снежно-белого цвета была покрыта кровью, вытекавшей из многочисленных глубоких ран. Распростертый на траве, окрасившейся вокруг него алым цветом, он едва дышал. Все его тело содрогалось, бледный и сухой язык был высунут из полураскрытого рта, глаза уже помутнели, у него не было больше сил дажестонать.

– Мунито!.. Бедный Мунито!.. – воскликнул Сильвен, наклоняясь над ним. – Что за негодяй сотворил это?.. Так вот почему Раважо ворчал так яростно! Он почувствовал твою беду! О, и зачем я был так жесток с ним!..

Услышав знакомый и ласковый голос – ибо, несмотря на свою внешнюю грубость, Сильвен в душе был предобрым малым и очень любил собак, – издыхавшая собака как будто ожила немного. Мунито приподнял большую круглую голову, и как будто свет разума блеснул в его глазах... Пес попытался было подняться на ноги, но не смог.

Сильвен опять наклонился, чтобы взять его на руки, но не успел исполнить своего намерения. Собака опять упала. Какой-то глухой свист вырвался из ее перерезанного горла. Мунито весь вытянулся и больше не шевелился.

– Все кончено!.. – пробормотал Сильвен. – Вот черт побери! Есть же злодеи на свете... Но что же твои господа, бедный Мунито? Что стало с ними? Погиб ли ты, защищая их? – И Сильвен, смахнув слезу, бросился бежать к замку.

Дом был мрачен и молчалив, словно необитаем. Открытые решетчатые ставни бельэтажа пропускали лучи восходящего солнца, но прочные ставни нижнего этажа были закрыты. К главной входной двери вело крыльцо с пятью или шестью ступенями, украшенное вазами из старинного руанского фарфора, в которых стояли разнообразные цветы.

Сильвен взбежал на крыльцо и взялся за ручку двери. Она оказалась заперта. Охотник дважды постучал изо всех сил и стал звать Жака и Мариетту. Ответа не последовало, только эхо повторило его крик. Сильвен обогнул замок и подошел к нему сзади, где было еще две двери. Но и те не уступили его усилиям, и там не ответили на его призывы. Только в стойлах

и в птичнике царило оживление: корова мычала, коза бляла, а куры кудахтали. Было ясно, что животные давно уже напрасно ждали, пока их покормят.

III

Сильвен побледнел. «Есть ли кто-нибудь живой в этом большом доме, который похож на безмолвную могилу? – спрашивал он сам себя. – Какая ужасная тайна скрывается за этими толстыми стенами и плотно запертыми ставнями?» Охотник быстрым шагом направился опять к решетке и отвернулся, проходя мимо того места, где лежал окровавленный и уже похолодевший труп Мунито. Чтобы перебраться через стену, он не стал снова прибегать к гимнастическому упражнению, а воспользовался лестницей, приставленной к стене. Взобравшись по ней на стену, Сильвен спрыгнул на землю по другую сторону.

– Наконец-то, Сильвен! – воскликнула с нетерпением ожидавшая его Колетт. – Ай-ай! Что это с вами?.. Вы блеее полотна!.. Неужели произошло несчастье?

– Да, несчастье!.. Или, скорее, преступление... – глухим голосом ответил охотник.

– Несчастье!.. Преступление!.. – повторила девушка, вся дрожа. – Великий Боже!.. Что же вы там видели? – спросила она.

– Я видел мертвого Мунито со множеством ран на теле...

– А Жак Ландри?.. А Мариетта?..

– Я не знаю... Все двери заперты.

– Нужно сломать ставень, разбить окно...

Сильвен нетерпеливо покачал головой.

– И попасть в руки жандармов? – с горечью в голосе прервал он ее. – Нет-нет! Прочь отсюда! Пусть те, кто имеет право входить всюду, войдут сюда первыми, – прибавил он.

– То есть кто же?

– Власти, конечно!.. Представители закона и правосудия!.. Нельзя терять ни минуты! Я должен как можно скорее увидеть мэра. Пойду к нему!

– А что же нам делать в то время, пока вы ходите, – мне и Жаку?

– Оставайтесь здесь и стерегите. Если вы заметите какого-нибудь шатающегося тут бездельника, всмотритесь в него хорошенько, чтобы вы смогли признать его потом...

– О, я боюсь! – прервала его Колетт.

Сильвен пожал плечами.

– Боюсь!.. – повторил он. – Но чего бояться здесь, среди белого дня, на большой дороге и с таким крупным мальчуганом, как Жак, который останется охранять вас?.. Притом мне кажется, что те негодяи, которые совершили преступление, уже далеко отсюда... Итак, будьте спокойны, Колетт. Сядьте вот здесь, на краю рва. Вам не придется ждать долго, а в награду за терпение вы будете иметь возможность все видеть и знать, что тут случилось...

Последний аргумент, конечно, был убедительнее прочих.

– И вы уверены, Сильвен, что, оставшись здесь, я не подвергнусь ни малейшей опасности?..

– О да, честное слово, я уверен.

– Так бегите же и возвращайтесь скорее!..

Сильвен вскинул ружье на плечо, свистнул Раважо и быстро пошел по направлению к городку. Господин мэр, которого звали Сидуан Фовель, представлял из себя толстенького пятидесятилетнего человечка, который, заработав 25 000 ливров годового дохода посредством торговли полотном в Руане, приобрел недвижимость в Рошвиле, своем родном городке, откуда он тридцать лет назад вышел, как говорят в народе, в деревянных башмаках.

Воспоминания о своих более чем скромных дебютах на поприще жизни, по сравнению со значимостью его настоящего положения в свете, невыразимо тешили его самолюбие. Можно было бы упрекнуть господина Фовеля в некотором самодовольстве, в склонности к хвастовству своей личностью и состоянием, в желании слыть человеком честным, опытным

и благоразумным, но, за исключением этих крайностей, он обладал множеством добродетелей. Его подопечные подсмеивались над ним иной раз втихомолку, но в душе искренне любили его и уважали.

Дом господина Фовеля, находившийся на рыночной площади, прямо напротив школы и мэрии, без всякого сомнения, был самым большим и самым красивым домом во всем городе, за исключением уже известного нам замка. Ворота из цельного дерева с проделанным в них небольшим подвижным окошечком вели на обширный двор с лужайкой посередине и цветочными клумбами. Справа находились конюшня и каретный сарай, а слева – обширная псарня: господин Фовель был страстным охотником.

В глубине двора возвышался двухэтажный дом с зелеными решетчатыми ставнями и террасой в итальянском стиле. За домом была огорожена территория площадью в один гектар, где имелись и сад на английский манер – рядом с миниатюрным лабиринтом виднелся небольшой прудик и грот, – и сад с плодовыми деревьями и грядками.

«Utile dulci!»³ – говаривал Сидуан Фовель, который, хотя и не знал латыни, охотно употреблял в речи некоторые всем известные цитаты. У почтенного муниципального чиновника была миниатюрная сварливая супруга, сын двадцати одного года, служивший в конторе у главного руанского банкира, и довольно миленькая дочь, которой шел семнадцатый год. Госпожа Фовель со своими детьми не будут играть какой-либо важной роли в нашем дальнейшем повествовании, потому и распространяться о них мы больше не будем.

Сильвен позвонил. Небольшую калитку, вделанную в ворота, отворил некто вроде деревенского грума в панталонах орехового цвета и красном жилете. Молодой слуга отлично знал всех обитателей городка и его окрестностей.

– Это ты, Сильвен?.. Ну здравствуй, здравствуй!.. Что случилось? Чего ты пришел к нам в такую рань?

– Мне нужно переговорить с господином мэром.

– Он уже за столом, как раз собирается завтракать.

– Так рано?

– Да... Дело в том, что мы сейчас отправляемся в дорогу. Мы – то есть я и господин мэр – едем в Руан навестить господина Гаспара, молодого хозяина, и вот, смотри, Сильвен, я запрягаю лошадь...

– Ну, братец, советую тебе отвести лошадку обратно в конюшню.

– Почему это?

– Да потому, что вы не поедете сегодня в Руан, это я тебе обещаю.

Жан-Мари – так звали этого доморощенного грума – расхохотался в ответ.

– Не ты ли вздумал помешать нам?

– Да, я, – спокойно ответил Сильвен. – Я пришел по делу к господину мэру... по неприятному делу... Брось свою кобылу и иди доложи обо мне, дело срочное...

– Я не хочу оставлять лошадь, но подожди немного... – И, сложив руки рупором, Жан-Мари обернулся к дому и пронзительным голосом закричал: – Петронилла, эй, Петронилла!..

На верхней ступеньке крыльца показалась здоровая краснолицая горничная с тарелкой в левой руке и с салфеткой в правой.

– Чего это ты так дерешь горло, мальчишка? – спросила она.

– Пришел Сильвен и говорит, что ему сейчас же нужно видеть господина мэра...

– Господин мэр завтракает. Сильвен успеет увидеть его и после.

– Он говорит, что у него очень срочное дело!

³ Приятное с полезным (лат.).

– Да, Петронилла, очень срочное дело, очень важное!.. – вмешался Сильвен, выступая вперед. – Такое спешное, – прибавил он, – что господин мэр рассердится на вас, если вы не доложите ему обо мне прямо сейчас.

– Уж не пожар ли где-нибудь? – усмехнулась Петронилла.

– Пожар!.. Это было бы еще ничего... Гораздо хуже!

– О боже мой!.. Идите же скорее в контору!

Петронилла ввела Сильвена в комнату нижнего этажа, которая служила рабочим кабинетом, где мэр принимал просителей. Здесь же он подготавливал свои речи, которые потом читал перед членами муниципального совета.

Комната эта была донельзя просто и строго убранной: на стенах – темно-зеленые обои, на окнах – занавеси также из зеленого репса, на камине – часы на пьедестале из черного мрамора. Посреди комнаты стоял большой письменный стол, заваленный бумагами, а вокруг стола – несколько кресел, обитых простенькой зеленой материей, для просителей поважнее, и несколько стульев для людей низшего звания.

Сильвену не пришлось долго ждать. Сидуан Фовель, взволнованный расстроенным лицом своей служанки, выбежал из столовой, забыв даже снять салфетку, которую он повязал вокруг шеи, желая сохранить безукоризненную чистоту и белизну сорочки. Нужно сознаться, что в настоящую минуту он едва ли мог внушить почтение к своей особе. Тем не менее, входя в комнату, где ожидал его Сильвен, мэр принял самый внушительный вид и заговорил строгим деловым тоном:

– Так это вы, молодой браконьер, не дали мне спокойно окончить завтрак!..

– Браконьер?! – переспросил Сильвен с некоторым удивлением. – Господин мэр позволит мне заметить, что я имею законное право на охоту, и господину мэру очень хорошо известно...

– Без сомнения, без сомнения, – прервал его Фовель. – Право охоты... Я знаю, что оно у вас имеется, но так же хорошо знаю и то, что вы не стесняетесь охотиться и в местах огороженных, где охота посторонним запрещается... Впрочем, это дело полевых сторожей и жандармов... Предупреждаю вас, что последние посматривают за вами... Но к делу! Что привело вас ко мне?

– Я пришел уведомить вас, господин мэр, что в нашей общине совершено преступление...

IV

И без того красное лицо господина Фовеля побагровело.

– Преступление!.. Преступление в моей общине!.. – воскликнул он нервно.

– Да, господин мэр.

– Но какое же?.. Воровство, наверно?..

– Убийство, господин мэр...

– Великий боже!

– Быть может, даже двойное убийство...

– О царица небесная!.. И когда же это?

– Сегодня ночью.

– Где?

– В замке.

– А господин Домера разве не отсутствует?

– Господина Домера нет в замке, но Жак Ландри с дочерью всегда там...

– Значит, убили этих несчастных!..

– Все заставляет меня так думать...

– Так вы еще не уверены?

– Я не видел трупов, господин мэр, тем не менее я почти не сомневаюсь в этом.

– Но что вы видели? Что вы знаете? Говорите, говорите же скорее!..

Сильвен сообщил мэру все, что мы уже описали читателям. По мере этого рассказа широкое лицо мэра вытягивалось все больше. Он без конца отирал со лба капли пота.

– Итак, что вы думаете обо всем этом, господин мэр? – спросил Сильвен, окончив рассказ.

– Увы! – жалобно воскликнул господин Фовель. – Я думаю, что вы правы!.. Все слишком подозрительно...

Почтенный мэр волновался все больше:

– Убийство!.. Двойное убийство в моей общине! Такая тихая и спокойная община... образцовая община, в которой целых десять лет не происходило ничего, кроме нескольких случаев браконьерства и мелкого воровства. О tempora, о mores! ⁴ Что же будет, если в Рошвиле начнут убивать? Превеликий боже!.. После этого где можно будет жить в безопасности?.. Положительно, я подаю в отставку и удаляюсь на какой-нибудь пустынный остров!.. Петронилла! Петронилла! – закричал он.

Краснолицая служанка была недалеко – как истинная дочь Евы, она тешила свое любопытство, приложив ухо к замочной скважине. Однако, отворив дверь, она с невинным видом спросила:

– Приготовить вам кофе, господин мэр?

Господин Фовель наградил ее нетерпеливым жестом:

– Какой уж тут кофе!.. Беги скорее к мировому судье. Скажи ему, чтобы он был готов, а я заеду за ним по дороге в замок... Забеги и к начальнику жандармов – он поедет с нами. Нам нужен будет еще слесарь, Клод Рено. Пусть соберет инструменты и ждет меня. Ну, иди, да поживее! Не забудь, что я тебе сказал. Речь идет о преступлении!

– О, будьте спокойны, все исполню в точности, господин мэр, – ответила Петронилла, направляясь к двери, но вдруг остановилась и спросила: – Сказать ли Жану-Мари, чтобы он распряг лошадь?

⁴ О времена, о нравы! (лат.)

– Нет-нет! Без сомнения, придется послать донесение в руанский суд... А моя Помпонетта (так звали его лошадь) добежит туда за пятьдесят минут... Единственная кобыла во всем округе, способная сделать это! – прибавил он с гордостью.

Петронилла уже исчезла. Она побежала исполнять получение своего господина, по дороге рассказывая всем желавшим ее послушать, что свершилось страшное преступление и что господин мэр, мировой судья и жандармы сейчас же отправляются в замок. Таким образом, когда Сидуан Фовель выходил из ворот своего дома, успев лишь надеть широкополую шляпу, подпоясаться символом своего достоинства – трехцветным шарфом и захватить свой объемистый портфель, толпа любопытных уже собралась на площади перед его домом.

Господин мэр был настолько поглощен своими мыслями, что едва отвечал на поклоны народа. Он шел настолько быстро, насколько ему позволяли его короткие ноги. Его сопровождал Сильвен, а за ними, держась на почтительном расстоянии, следовали любопытные. Всю дорогу мэр только и повторял:

– Какое событие, боже!.. Какое событие!..

Мировой судья встретил его на полпути и сказал, пожимая ему руку:

– Вы уведомили меня, что я вам нужен, дорогой меcье Фовель... Я в полном вашем распоряжении... Но в чем дело?

Фовель рассказал все судье в нескольких словах.

– Все действительно кажется очень странным и подозрительным, – проворчал мировой судья. – Но наружность часто обманчива!..

Через минуту к ним присоединился и жандармский офицер с двумя жандармами.

– К услугам господина мэра! – сказал офицер, отдавая честь по-военному. – Узнав, что предполагается убийство, я счел нужным взять их, – прибавил он, показывая на жандармов, – на тот случай, если потребуются постеречь кого-либо или куда-нибудь сходить...

– Да, вы правы, мой brave воин. Одобряю! А вот и Клод Рено со своими инструментами. Здравствуй, Клод, здравствуй. Все в сборе, поспешим же. Мне очень хочется поскорее разгадать эту мрачную загадку.

Через десять минут они были уже у решетки замка. За ними следовало с сотню любопытных.

Колетт и мальчик не оставили своего места.

– Видели вы что-нибудь или кого-нибудь? – тихо спросил их Сильвен.

– С полдюжины прохожих, но все местные, которые здоровались с нами. Ни одного подозрительного лица!..

Нужно было войти в парк, а следовательно, отворить решетку, так как правосудие не могло воспользоваться той же дорогой, что и Сильвен. Тремя сильными ударами молотка слесарь сбил замок. Минуту спустя решетчатая дверь отворилась. В толпе послышался глухой шум, все окружили господина Фовеля с его спутниками. Каждому хотелось первым попасть в парк.

Мэр повернулся к толпе лицом. Брови его насупились, лицо сияло олимпийской важностью.

– Никто не должен входить сюда! И никто не войдет, никто!.. Ни под каким предлогом... Поставить здесь жандарма!

Толпа встретила эти слова со вполне понятным неодобрением, но делать было нечего – приходилось подчиняться. Возразить осмелилась лишь Колетт.

– Господин мэр! – смело воскликнула девушка, сделав реверанс. – Мы с маленьким Жаком тоже имеем право войти!

– С чего это? – осведомился господин Фовель.

– Мы свидетели!

– Чего?

– Того, что Мариетта присылала вчера вечером Жервезу к моему отцу – заказать рыбу, к Сильвену – за дичью и к хозяину маленького Жака – за мясом... И вот, посмотрите, вот рыба, раки, заяц, куропатки, говядина и баранина, которые мы принесли в замок. Притом мы пришли сюда в одно время с Сильвеном и ждали здесь, пока он ходил уведомить вас...

Все эти доводы, правда, были не очень убедительны, но господин Фовель не взял на себя труд их оспаривать.

– Войдите, – коротко решил он.

– Благодарю вас, господин мэр.

Колетт и маленький Жак бросили торжествующий и, пожалуй, презрительный взгляд на толпу любопытных. Решетка за ними затворилась, и перед ней вытянулся жандарм. Сидуан Фовель, мировой судья, начальник жандармов, слесарь, Сильвен, Колетт и маленький Жак направились к замку по яблочной аллее. Раважо с опущенными ушами и поджатым хвостом следовал по пятам за своим господином. Вдруг он заворчал.

– Вот Мунито, господин мэр! – сказал Сильвен. – Вдоволь же над ним потешились!.. Мунито получил столько ран, что их достаточно было бы, чтобы десять раз убить его!

– Бедное животное! – прошептал господин Фовель, останавливаясь.

– Месяц назад я предлагал Жаку Ландри продать мне эту собаку, предлагая за нее пятнадцать луидоров да вдобавок одну из своих дворняжек. Но Жак Ландри ответил мне, что господин Домера привык к Мунито и не захочет расстаться с ним, а тем более продать его.

– Важно знать, – обратился к нему мировой судья, – было ли это животное убито на этом самом месте или же, израненное, дотащилось сюда...

– Да, – подтвердил господин Фовель. – Но как выяснить это?

– Легко! – воскликнул Сильвен.

V

– Но как же? – осведомился господин Фовель.

Сильвен не ответил. Он побежал, наклонившись к земле. Затем, преодолев около десяти метров, остановился.

– Трава окрашена кровью только до этого места, – сказал он. – Вот место, где Мунито боролся со своими убийцами или убийцей.

Мэр, мировой судья и жандармский начальник подошли к нему. На площади в три или четыре фута трава была смята, а земля взрыта когтями Мунито. Множество мух кружилось над комками высохшей крови.

– Услышав, как я звонил, – объяснил Сильвен, – бедное полумертвое животное собрало последние силы и поползло мне навстречу...

– Это невероятно... – покачал головой судья.

– Однако очевидно, – сказал господин мэр.

– Мне очень бы хотелось обнаружить какой-нибудь след, оставленный обувью злодеев, – обратился к Сильвену мировой судья. – Вы охотник, и зрение у вас прекрасное... Поищите же хорошенько!

Сильвен наклонился к траве и внимательно стал осматривать землю, раздвигая траву руками. Но вскоре он встал и безнадежно покачал головой.

– Невозможно! Ни капли дождя за всю неделю! Земля суха как мел... Ни малейших следов!..

– В таком случае пойдем дальше, – предложил мировой судья.

Мирового судью звали Ривуа. Это был высокий и худощавый человек лет шестидесяти, с редкими сероватыми волосами. Отличный юрист, одаренный необыкновенной проникательностью, он составил себе небольшое состояние за время службы в руанском суде. Но в ту самую минуту, когда он, устав от дел, подал в отставку, его банкир обанкротился. Лишившись состояния, Ривуа принял предложение занять место мирового судьи в Рошвиле, в котором с тех пор и жил на свое скромное жалованье.

Господин Ривуа пользовался в округе безграничным уважением и огромным влиянием, и вполне заслуженно. Господин Фовель, сам о том не подозревая, больше чем кто-либо поддавался влиянию господина Ривуа. Наконец, все собрались на парадном крыльце.

– Ну, за дело, Клод, и живо! – приказал мэр.

Слесарь вставил отмычку в отверстие массивного замка.

– Черт возьми! – проворчал он. – Если заперта на два оборота, то нелегко будет...

Однако замок уступил его усилиям. Дверь отворилась, и можно было переступить через порог. Вошли в обширную переднюю. Слева широкая лестница с железными перилами вела в комнаты первого этажа. Большой фонарь, предназначенный для того, чтобы освещать лестницу, висел высоко под потолком. И никакой мебели, кроме украшенных резными фигурами скамеек черного дерева и большого квадратного стола, на котором стоял подсвечник из полированной меди в духе эпохи Людовика XVI. Различные охотничьи принадлежности и доспехи были развешены по стенам. Все эти древности принадлежали прежним владельцам замка. Гаврский судовладелец, купив это имение, не стал ничего в нем менять. Открыли ставни на двух окнах. В передней царил полный порядок.

– Осмотримся, – сказал господин Фовель. – Я немного знаю расположение комнат, так как не раз посещал почтеннейшего господина Домера... Эта дверь ведет в залу, если я не ошибаюсь, дверь слева ведет в столовую, дверь справа – в кухню и хозяйственные помещения... Кто знает, где находятся комнаты Жака Ландри и Мариетты? – спросил он.

– Я знаю, – выступила вперед Колетт. – Они находятся по ту сторону кухни и прачечной, они соединены коридором, а в комнате Жака две двери, из которых одна выходит в парк, к ограде...

– Итак, вы проведете нас?

– О да, господин мэръ!.. Проведу, только...

Колетт запнулась.

– Что только?

– О, Пресвятая Богородица!.. Если там, внутри, совершено преступление, я не осмелюсь войти туда первой!

Вступился Сильвен.

– Я знаю дорогу, – сказал он. – Не угодно ли вам следовать за мной?

С этими словами Сильвен отворил дверь в кухню. Все увидели просторное и чистое помещение. На стенах висели полки, на которых были расставлены различные кухонные принадлежности. Посередине комнаты находился массивный белый стол. На нем, рядом с горами вымытых тарелок, стояли три серебряных блюда с вензелем господина Домера. На одном из этих блюд лежало полцыпленка, на другом – копченый окорок, на третьем – коробка из белой жести, в каких обыкновенно продают гусиную печень с трюфелями.

– Итак, очевидно, что вчера вечером в замке был гость, и гость не простой, – проговорил как будто про себя мировой судья.

– Почему вы так думаете? – поинтересовался господин Фовель.

– Потому что Жак Ландри с дочерью, как люди простые и неизбалованные, ужиная вдвоем, не стали бы пользоваться такой посудой – это во-первых, а во-вторых, они, наверно, и не ели того, что мы видим на столе... Такие деликатесы указывают на прихотливый вкус.

– Я согласен с вами, – поддакнул господин Фовель.

– Притом Сильвен, Колетт и маленький Жак сказали нам, что в замке кого-то ждали, – продолжал мировой судья, – и, чтобы достойно принять этого человека, готовились и делали заказы. Очевидно, что этот кто-то прибыл раньше, чем думали... Тогда, не теряя ни минуты, на стол выложили все, что можно было найти в замке. Но кто же этот неизвестный? Быть может, мы скоро узнаем...

– Будем надеяться!.. – воскликнул господин Фовель.

После этого они прошли обширную комнату для прислуги и большую прачечную. Обе комнаты были в таком же порядке, как передняя и кухня.

– И о каком убийстве идет речь? – проворчал господин Фовель. – Это просто невероятно! Невозможно! Мы наверняка скоро узнаем, что по случайному стечению обстоятельств Жак Ландри с дочерью не ночевали в замке...

– Я тоже надеялся бы на это, если бы не была убита собака, – возразил господину Фовелю мировой судья.

– И это объяснится, как и все остальное...

Сильвен направился к двери, что виднелась в глубине прачечной, и, взявшись за ручку, сказал:

– Мы сейчас войдем в коридор, который находится между комнатами Жака и Мариетты... Не пройдет и минуты, как господину мэру и господину мировому судье все станет ясно.

Он отворил дверь и переступил порог, но тотчас отскочил назад с криком ужаса.

– Что? Что там?! – спросил господин Фовель.

– Смотрите!.. – пробормотал Сильвен.

Мэр и мировой судья заглянули в коридор. Оба вздрогнули – страшное зрелище представилось их глазам: посреди коридора на спине, со скрещенными на груди руками, в целой луже крови лежал труп Мариетты. Еще вчера эту несчастную девушку видели живой и здо-

ровой. Очевидно, ночью ее разбудил какой-то внезапный шум, который заставил ее вскочить с постели и выйти в коридор, где ее и нашла смерть. Одним лишь ударом ножа – но каким ужасным ударом! – ей разом перерезали горло.

Длинные темные волосы, распустившиеся во сне или во время падения, прикрывали прекрасную грудь и обнаженные до плеч руки. Лицо, белое, как маска из воска, резко контрастировало с окровавленной шеей. Губы были плотно сжаты. Большие черные открытые глаза смотрели перед собой. Во всем выражении прекрасного, но неподвижного лица, читалось какое-то смешанное чувство удивления и ужаса.

VI

– О!.. – протянул побледневший господин Фовель. – Это ужасно!.. – И он закрыл расстроенное лицо руками.

Колетт всхлипывала:

– О, Мариетта!.. Бедная Мариетта!.. Прекрасная добрая девушка, которую я так любила!..

Сильвен сжал кулаки и всем своим видом показывал, что, попади убийца к нему в руки, он не стал бы дожидаться решения присяжных, чтобы заставить его заплатить за содеянное. Начальник жандармов, один его подчиненный, слесарь и маленький Жак едва сдерживали волнение. Один только мировой судья, хотя и сильно взволнованный, сохранил некоторое самообладание. Он заговорил первым:

– Боюсь, что нам придется увидеть еще одну жертву преступления... Негодяй, который так жестоко убил девушку, наверняка начал с ее отца... Где комната Жака Ландри?

– Вот, господин мировой судья, – ответил Сильвен, показывая на широко растворенную дверь слева по коридору.

– Войдем...

– Но, – нерешительно сказал господин Фовель, – я думаю, прежде нужно... труп этой несчастной девушки...

– Нет-нет! – вскрикнул мировой судья. – Ни в коем случае! Следователь должен найти все в том же виде... Это необходимо. Войдем же, повторяю, но пусть никто не дотрагивается до этого трупа...

– В комнате совсем темно, – сказал Сильвен. – Я отворю окно и ставни... – И Сильвен первым переступил порог и этой комнаты и, как в первый раз, испустил глухое восклицание.

– Что там, Сильвен?

– Господин мировой судья был прав! Жак также убит! Я споткнулся о его труп! – ответил Сильвен.

– О, небесное правосудие! – воскликнул почтенный мэр. – Это же настоящая бойня! В моей общине, великий боже!.. В моей общине!..

Поток света, наводнившего коридор в ту минуту, как Сильвен открыл ставни, осветил труп Мариетты. В комнате Жака Ландри зрителей также ожидало очень печальное зрелище. Старый моряк в одной сорочке был распростерт на полу возле двери. Убит он был не ножом, а топором, который ударил по черепу с такой силой, что разрубил голову чуть ли не до плеч. Мозг, смешавшись с кровью, покрывал лицо, в котором мало что осталось от человеческого облика.

Жак Ландри, почти пятидесяти пяти лет от роду, среднего роста, ловкий, как английский боксер, мускулистый, как Геркулес, здоровый, как юноша, был в состоянии оказать энергичное сопротивление даже не одному, а трем-четырем разбойникам. В оружии у него также не было недостатка: на стене висели два охотничьих ружья. На маленьком столике лежал револьвер.

Было ясно, что несчастного захватили врасплох. Разбуженный ночью призывавшим его голосом, очевидно знакомым ему, Жак без всякого недоверия отворил дверь. Убийца ждал его с поднятым топором и... Но в чем смысл преступления? Какова цель этой бойни, как выразился почтенный рошвильский мэр?

В стенах этой комнаты, довольно обширной, имелись шкафы, скрытые за обоями и запиравшиеся на ключ. Один из таких шкафов находился за постелью. Из мебели в комнате, кроме постели и маленького столика, было два массивных, старинных, окованных железом и запертых большими висячими замками сундука. И что же? Преступник, совершив убийство,

или не захотел поискать, или же не смог найти ключи от шкафов и сундуков. Дверцы шкафов были разбиты топором. Сбитые крышки дубовых сундуков висели на своих сломанных петлях. Белье, одежда, бумаги, книги, извлеченные из шкафов и сундуков, были в беспорядке разбросаны по полу. Очевидно, убийца искал что-то вполне определенное... но что?

– Не слышали ли вы, хранил ли несчастный управитель большие суммы денег, принадлежащих господину Домера? – спросил мировой судья у господина Фовеля.

Последний покачал головой.

– Об этом мы никогда не говорили... Да если бы и говорили, я нисколько не поверил бы этому. Подумайте сами: это имение не приносит ни одного су, а содержание его обходится очень дорого... Если у Жака Ландри и были деньги, то в очень ограниченном количестве, необходимом ему для того, чтобы содержать себя, свою дочь и замок... Но на прошлой неделе господин Домера провел здесь сутки, и я точно знаю, что он лично уплатил счета за все мелкие работы и поставки, сделанные за последние три месяца.

– В таком случае я положительно теряюсь, – ответил ему мировой судья. – Убийца, и это сразу бросается в глаза, совершил все это не из-за какой-нибудь ничтожной суммы в несколько сотен франков... Он не захватил серебряные блюда, которые мы видели в кухне... Что же он искал?... Как он попал ночью в запертый дом?... Каким образом заставил отворить эту дверь, за которой Жак Ландри был в полной безопасности и мог защищаться?... Столько загадок!

Так размышлял вслух опытный в деле расследования преступлений рошвильский мировой судья.

– Однако, – обратился он к господину Фовелю, – не мы одни должны ломать над этим голову. Прежде чем продолжить расследование, мы обязаны, не теряя ни минуты, уведомить руанский суд, который пришлет сюда следователя.

– Я уже думал об этом, – отозвался господин Фовель. – Но давайте уйдем отсюда: при виде этой плачевной сцены у меня дрожит рука.

– Идемте...

В портфеле у предусмотрительного мэра имелись все необходимые принадлежности для письма. С помощью мирового судьи, который сохранил присутствие духа, господин Фовель вскоре написал краткое, но отчетливое донесение о происшедшем и адресовал его прокурору республики в руанский суд. Сделав это, он вынул из жилетного кармана великолепный хронометр, которым любил похвастаться перед другими при всяком удобном случае.

– Без двенадцати минут девять, – произнес он и обратился к начальнику жандармов: – Господин бригадир, пусть один из ваших людей отправится ко мне.

– Хорошо, господин мэр, вот Николя Брюске.

– На моем дворе он найдет тильбюри⁵. Он тронется в путь вместе с моим слугой, Жаном-Мари... Моя кобыла, Помпонетта, доставит их в Малоне за пятьдесят минут... Вы знаете, без сомнения, месье бригадир, что моя Помпонетта – лучший рысак во всем округе! – не упустил случая похвастаться почтеннейший мэр Рошвиля.

– О да, господин мэр, я всегда готов засвидетельствовать это.

– Итак, без четверти десять Николя Брюске отправит в Малоне телеграмму... Моя телеграмма придет в руанский суд как раз вовремя, чтобы следователь успел сесть на поезд в одиннадцать часов или же не позднее чем без четверти двенадцать... В двенадцать он будет в Малоне, а через пятьдесят минут моя Помпонетта доставит его сюда. Николя Брюске вернется пешком. Я полагаю, что двадцать километров ему по силам преодолеть.

Почтеннейший господин Фовель был всегда точен в своих распоряжениях.

⁵ Тильбюри – легкая двухколесная коляска, запряженная одной лошастью.

– О, конечно, господин мэр! Двадцать километров! Да он пройдет их меньше чем за три часа!..

– Вот телеграмма.

– Николя, вы поступаете в распоряжение господина мэра... В дорогу, налево кругом марш!

Жандарм взял донесение, сложил его вчетверо, засунул между пуговиц мундира и, отдав честь, отправился в путь.

– Господин бригадир, – в свою очередь обратился к нему мировой судья, – идите к решетке замка. Там, наверно, собралось еще больше любопытных, чем в минуту нашего прибытия сюда. Быть может, среди этой массы людей найдутся двое-трое, которые будут в состоянии дать нам какие-нибудь полезные указания. Приведите сюда всех, кто скажет, что знает что-нибудь.

– Позвольте спросить, господин мировой судья: относительно чего?

– Ну, хотя бы относительно того, например, кто был вчера в замке, или не заметил ли кто-нибудь подозрительных людей, шатавшихся в окрестностях с наступлением ночи...

– Я понял, господин мировой судья!..

Бригадир отсутствовал недолго. Господин Фовель все это время отирал обильно струившийся по лбу пот и пытался привести в порядок свои мысли: с той минуты, как ему открылось совершенное в его общине гнусное преступление, вся жизнь начала представляться ему каким-то тяжелым кошмаром.

VII

Бригадир, как мы сказали, отсутствовал недолго. Он вернулся менее чем через четверть часа.

– Вы одни? – спросил господин Ривуа.

В голосе почтенного мирового судьи слышались нотки обманутого ожидания.

– Прошу прощения... Я нашел троих, которые знают или по крайней мере утверждают, что знают кое-что...

– Кто же это?

– Маленькая Жервеза, земледелец, хорошо вам известный, по имени Андош Равье, и Жан Поке, пахарь с фермы Этьо, что в пяти километрах от Рошвиля...

– Я и его знаю... Где же они?

– В кухне.

– Почему же вы не привели их с собой?

– Я счел, что так будет лучше... Я подумал, что удобнее допросить их поодиночке, чтобы они не могли слышать показаний друг друга...

– Вы совершенно правы, ваше благоразумие достойно похвалы... Введите Жервезу.

Бригадир залился краской от этой похвалы и самодовольно надулся. Через несколько секунд он привел Жервезу. Девочке исполнилось пятнадцать лет, но на вид ей с трудом можно было дать больше одиннадцати или двенадцати. Это была маленькая, бедно одетая, скорее некрасивая, чем красивая девочка, но очень разумная. Жервеза много плакала сегодня, и ее веки покраснели от слез. Она не выказала ни малейшего смущения, очутившись перед высшими властями округа.

Первым к ней обратился господин Ривуа:

– Жервеза, что с вами, дитя мое? Почему вы плачете?

– Ах, господин мировой судья, мне так горько! – прошептала вполголоса юная особа. – Убили Мариетту... О, Мариетта!.. Милая, хорошая Мариетта!.. – И Жервеза разрыдалась.

Мировой судья подождал, пока утихнет этот взрыв отчаяния и горя, а затем продолжил:

– Ты очень любила бедную Мариетту?

– Любила ли я ее!.. О да, я ее любила... всем сердцем. Всей душой... И Жака Ландри... Они оба были такие добрые... Я ведь не отличаюсь особенным здоровьем, и сил у меня не много, но они всегда давали мне работу и всегда, как бы мало я ни сделала, притворялись, что считают, будто я сделала достаточно... И знаете зачем?... Чтобы дать мне возможность заработать на пропитание себе и моей старой бабушке... По правде сказать, это было не что иное, как милостыня, но другие хвастались бы ею, а они всячески старались скрыть это. Добрые люди... И их убили обоих!.. Мариетта и Жак Ландри... Отец и дочь!.. И я их не увижу больше!.. Но что же теперь будет со мной и с моей бабушкой?

Жервеза закрыла лицо руками и снова дала волю слезам. Господин Фовель заговорил:

– Твое горе, малютка, вполне законно и обоснованно. Однако постарайся успокоиться... Твоя бабушка – очень достойная женщина, я не допущу, чтобы она умерла с голоду... Я озабочусь ее судьбой и обещаю поместить ее в приют для престарелых. Я окажу ей и непосредственную помощь, будь уверена.

– Благодарю вас, господин мэр... – пробормотала Жервеза. – Моя бабушка будет иметь пищу и кров благодаря вам, но это не вернет мне моей дорогой Мариетты...

– Увы! Ничто и никто не сможет вернуть ее тебе! – сказал мировой судья. – Убийца поразил ее слишком верным ударом. Мариетта и Жак – оба мертвы... Но нужно не просто плакать, нужно отомстить за них, и ты, быть может, сможешь нам в этом.

Жервеза посмотрела на него удивленными глазами.

- Помогу вам в этом? – переспросила она, моргая. – Но как же?
- Рассказав нам то, что ты знаешь...
- Увы! Я не знаю, кто убил Мариетту и ее отца... О, если бы я знала этого негодяя, я бы давно указала вам на него!
- Вполне понятно! Я не об этом спрашиваю тебя. Ты же знаешь что-то, ты сама сказала это бригадиру... Иначе он не привел бы тебя сюда...
- Это правда, господин мировой судья. Я сказала... только...
- Девочка запнулась.
- Только что? Продолжай, дитя мое.
- Только это, быть может, не имеет большой важности...
- Ну, нам виднее. Возможно, что твои сведения, которые кажутся тебе едва ли стоящими внимания, имеют для нас огромную важность. О ком или о чем ты хотела рассказать нам? О ком или о чем ты думала?
- Я думала о Сиди-Коко... – пробормотала Жервеза.
- Сиди-Коко! – вскрикнули в один голос мэр и мировой судья, изумленные этим странным и незнакомым именем, которое слышали в первый раз. – Что это за Сиди-Коко?
- Я его знаю, – сказал бригадир, поглаживая свои густые усы, – и могу сообщить вам о нем некоторые сведения.
- Говорите же скорее, – попросил Фовель.
- Сиди-Коко, или Зуав, как его еще называют, состоит в труппе канатных плясунов, акробатов и фокусников, дававших четыре вечера подряд представления на городской площади, в балагане.
- У их импресарио все документы оказались в порядке, а потому я не нашел нужным запретить эти представления, – прервал его Фовель.
- Вчера утром, – продолжал бригадир, – они уехали со своим передвижным театром и в настоящее время находятся в двенадцати километрах отсюда, в Сент-Ави, где завтра храмовый праздник... Сиди-Коко хоть и не глотает сырых цыплят и зажженную паклю, но творит чудеса своим голосом. Он способен подражать какому угодно человеческому голосу. Кроме того, если он захочет, то может сделать так, что этот голос послышится вдруг из колодца или с кровли какого-нибудь дома.
- А, – воскликнул судья, – чревовещатель... ⁶
- Да, его называют еще «человек с куклой», потому что у него во время представления всегда находится в кармане или в шляпе деревянная кукла, с которой он разговаривает. Всем кажется, что она действительно сама ему отвечает.
- Не знаете ли вы еще чего-нибудь о нем? – спросил Ривуа бригадира.
- Нет, господин судья, ничего больше не знаю... В прошлое воскресенье я в первый раз услышал о нем.
- Послушай, малютка, – снова начал мэр, обращаясь к Жервезе, – что же, по-твоему, общего между чревовещателем и убийцей Мариетты и Жака Ландри?
- Я вовсе не говорю, что между ними есть что-то общее... Я только хочу сказать, что он и Мариетта давно были знакомы.
- Фовель подскочил на стуле от удивления.
- Что за вздор! – воскликнул он. – Это невозможно!
- Однако это правда, господин мэр.
- Ты лжешь! Кто тебе сказал это?

⁶ Чревовещатель – тот, кто способен говорить, не шевеля губами, так что звуки кажутся исходящими словно из живота, из чрева; предсказатель.

– Послушайте, любезный Фовель, – вмешался судья, – не пугайте ребенка, позвольте ей рассказать все, что она знает... Продолжай, что ты видела или слышала?

– Это было в понедельник, – начала она, – на этой неделе... В воскресенье, с самой обедни и после вечерни, в балагане бил барабан и играли в трубы, приглашая публику на представления... К вечеру в нем собралось много, очень много народу... Мне тоже хотелось пойти посмотреть, но средства не позволяли, хотя за вход брали всего лишь четыре су. Я возвратилась к бабушке, легла спать, но долго еще плакала, потому что до моих ушей доносились барабанный бой и звуки труб. Я слышала также, как человек в рыжем парике и сером платье кричал во все горло: «Пожалуйте, господа, пожалуйте!» Можете представить, в каком я пребывала волнении!

Фовель, сочтя эту речь слишком длинной, хотел прервать ее, но судья быстрым, почти повелительным движением остановил его. Жервеза продолжала:

– На другой день, то есть в понедельник, все, кто накануне был в балагане, с восторгом говорили о представлении, утверждая, что такого никогда еще не видели. Это просто сводило меня с ума! Наверно, у меня в тот день была очень печальная физиономия, потому что Мариетта спросила меня: «Что ты так грустна сегодня, Жервеза?»

VIII

– Я ничего не утаивала обычно от Мариетты, – продолжала Жервеза, – и потому откровенно рассказала ей обо всем. Мариетта расхохоталась и ничего не ответила, но вечером – вы можете представить себе мою радость – сказала: «Ступай к бабушке, малютка, надень свое праздничное платье и жди меня на площади. Мы пойдем с тобой посмотреть на фокусников. Отец позволил...» Я подпрыгнула от радости, обняла Мариетту и побежала домой как помешанная. Через несколько минут я была уже готова. Мариетта не заставила себя ждать, она заплатила за нас обеих восемь су, и, когда я очутилась возле нее в балагане, когда мы заняли место в первом ряду, на прекрасной деревянной скамье, покрытой красным коленкором, мне показалось, что я нахожусь в раю.

Жервеза говорила все это так быстро, что наконец ей пришлось остановиться, чтобы перевести дух.

– Сколько лишних слов! – прошептал Фовель с нетерпением.

Судья, напротив, слушал эту пространную речь с большим интересом. Девушка, собравшись с духом, продолжала:

– Я всецело обратилась в зрение и слух, музыка привела меня в неописуемый восторг. Мое удивление росло с каждой минутой, и я была почти уверена, что это колдуны, а не люди. Вдруг музыка смолкла, на сцене появился красивый господин, и вокруг меня раздались сдержанные восклицания: «Сиди-Коко! Это Сиди-Коко!» Господин был в костюме воина: в коротком, обшитом позолоченной тесьмой кафтани, в широких, как юбка, белых панталонах, в высоких сапогах, доходивших до колен, и с черными густыми усами. На нем был белый парик с длинной косой и треугольная шляпа с красными перьями, в левой руке он держал куклу, одетую в дамское шелковое платье, но одетую с прекрасным вкусом, так же, как и мадемуазель Леонтина, племянница господина Домера.

Мариетта вдруг вздрогнула, чем очень удивила меня. Мы сидели так близко друг к другу, что я почувствовала, как задрожала ее рука. Взглянув на нее, я заметила, что она бледна как мертвая. На мой вопрос, что с ней, она не ответила, но, когда я снова спросила, не больна ли она, Мариетта, не поворачивая головы, проговорила сквозь зубы почти сердито: «Оставь меня в покое!» Это меня немного обидело, но в ту самую минуту Сиди-Коко закричал: «Внимание, господа!» – и я снова устремила глаза на сцену.

Сиди-Коко разговаривал со своей куклой, и она отвечала ему детским голосом; он начинал сердиться – она также выходила из себя; по мере того, как он возвышал голос, она старалась перекричать его... О, как велико было мое удивление, когда я услышала, как эта кукла кричит и бранится! Я и до сих пор убеждена, что этот человек – колдун.

Сцена с куклой продолжалась не более пяти минут. Публика рукоплескала и неистовствовала все больше, по мере того как движения этой маленькой говорящей женщины делались энергичнее, а проклятия, обращенные к своему противнику, становились громче. Вдруг Сиди-Коко взглянул в нашу сторону. Увидев Мариетту, он вздрогнул так же, как и она при первом взгляде на него. Раскрыв рот, он остановился на середине фразы и уронил куклу на пол.

В балагане раздались крики, свист, поднялась страшная суматоха, но Сиди-Коко, казалось, ничего не слышал и видел только одну Мариетту. Между тем шум до того усилился, что на сцену явился содержатель труппы, подошел к Сиди-Коко, поднял куклу и, вернув ее чревовещателю, что-то тихо ему сказал. Тогда Сиди-Коко продолжил представление, но исполнял его далеко не так хорошо, как прежде. По выражению его физиономии можно было заключить, что он сам не знает, что говорит и что делает; через несколько минут он покло-

нился публике и скрылся. Не знаю, что происходило дальше, потому что Мариетта взяла меня за руку и вывела из балагана.

Когда мы вышли, ночь была очень темной, а площадь и улицы совершенно пусты. «Проводить ли мне вас?» – спросила я Мариетту. «Да», – ответила она.

Мы шли быстрым шагом, не говоря ни слова. «За нами идут!.. Нас преследуют!.. – вдруг прошептала мне на ухо Мариетта. – Бежим!» И мы побежали. Но человек, преследовавший нас, бежал гораздо быстрее. Вскоре он настиг нас. «Мариетта, дорогая Мариетта! – сказал он тихим, нежным голосом. – Остановитесь, умоляю вас, мне необходимо поговорить с вами...» – «Нам не о чем говорить», – ответила Мариетта, но все же остановилась.

Голос преследовавшего нас человека показался мне знакомым, и я с любопытством обернулась. Хотя ночь еще была черна как уголь, глаза мои мало-помалу привыкли к темноте, так что я могла различать предметы довольно отчетливо. Я не ошиблась: это был Сиди-Коко...

– Неужели? – вскрикнул Фовель. – И этот несчастный фокусник говорил таким образом с кроткой, невинной Мариеттой! Это просто невероятно!

– Но я не вижу до сих пор положительно ничего, что компрометировало бы несчастную жертву, – заметил судья. – Этот чревовещатель, возможно, порядочный малый, к тому же ясно, что Мариетта была слишком далека от того, чтобы с ним кокетничать... Не будем же делать смелых заключений, посмотрим, что произошло дальше... Продолжай, малютка.

– Мариетта и Сиди-Коко разговаривали довольно долго, но я не могла слышать всего, потому что они говорили чрезвычайно тихо, медленно шагая вперед. Мариетта, насколько я поняла, корила его за ремесло, которое он себе избрал... Чревовещатель же говорил, что, когда вышел из полка и не обнаружил Мариетту в том городе, где ее оставил, он пришел в отчаяние и не мог заниматься ничем другим, это же занятие он не считает бесчестным... Потом он сказал, что любит ее всеми силами души и хочет жениться на ней, что он поговорит с Ландри... Мариетта ответила, что Ландри, однажды уже отказавший ему, наверняка откажет и на этот раз и вряд ли вообще примет его. Он просил, умолял, но Мариетта осталась непоколебима. Она быстро подошла ко мне, взяла меня за руку и сказала Сиди-Коко: «Не преследуйте меня больше... Я не хочу этого!..» Увлекая меня за собой, она побежала так быстро, что я едва успевала за ней. Молодой человек не осмелился возражать, но мне казалось, что я слышала на дороге, позади нас, стук его башмаков. Ключ от калитки находился у Мариетты, она быстро отперла ее, поцеловала меня и отослала домой. Опасаясь, что Сиди-Коко вздумает преследовать меня, я успокоилась лишь тогда, когда прибежала в деревню, не встретив его.

– И после ты не встречала его? – спросил судья.

– Нет, я не видела его больше.

– Но на следующий день, без сомнения, Мариетта сказала тебе о нем что-нибудь?

– Она только приказала, чтобы я ничего не говорила в присутствии ее отца о нашем ночном приключении, что я и исполнила в точности.

– Думаешь ли ты, что Сиди-Коко, несмотря на запрет Мариетты, искал случая снова увидаться с ней?

– Я ничего не думаю...

– Можешь ли ты еще что-нибудь сообщить нам? Не ожидали ли в замке гостей? Не делали ли приготовлений? Не должен ли был сегодня приехать господин Домера со своей племянницей?

– Вот все, что я знаю. Три дня назад Мариетта сказала мне: «Завтра отец уедет по делам в Руан и поздно возвратится домой. Я не хочу оставаться одна и потому прошу тебя, приди к нам утром, пораньше». Я пришла еще до рассвета, но Жака Ландри уже не было. Около семи или половины восьмого почтальон принес письмо. «Это письмо от господина

Домера, из Парижа, и адресовано на имя отца», – сказала Мариетта, взглянув на адрес и положив письмо на стол.

– Не читая? – спросил Фовель.

– Конечно, господин мэр, потому что оно было адресовано на имя ее отца. Жак Ландри приехал в восемь часов вечера. Когда Мариетта отдала ему письмо, он быстро вскрыл его и, прочитав, сказал: «Что делать, черт побери? На завтра надо заготовить провизию, дичь, рыбу, говядину – все самое лучшее, что только можно достать. Таков приказ». – «Я запишу все, что нужно купить, – ответила Мариетта, – а Жервеза отправится к Сильвену, к мяснику и к отцу Колетт. И к утру у нас будет все, что нужно».

Она написала записку и прочла мне ее, потому что я не умею читать, между тем как память у меня превосходная. Я пошла в деревню и купила все необходимое, но так как было уже слишком поздно возвращаться в замок, то я осталась ночевать у своей бабушки. О, если бы мне сказали тогда, что я не увижу больше мою бедную Мариетту и Жака Ландри, я бы ни за что не поверила... Боже мой! Боже мой!.. – И девочка снова разрыдалась.

– Словом, – сказал Ривуа, немного помолчав, – ты оставила Мариетту и ее отца вчера вечером, между восемью и девятью часами?

– Кажется, в восемь с четвертью, – ответила Жервеза. – Знаю наверняка, что половины еще не пробило.

– И в это время в замке никого постороннего не было?

– Нет, совершенно никого.

– Уверена ли ты в этом?

– Точно так же, как и в том, что меня зовут Жервезой.

– Странно! – пробормотал судья. – Очень странно!

IX

– Еще один вопрос, – сказал Ривуа после нескольких минут размышления. – Когда ты из замка шла в Рошвиль по поручению Мариетты, встретила ли ты кого-нибудь по пути?

– Да, господин судья, – ответила Жервеза, – я встретила двух человек, направлявшихся в эту сторону.

– Вместе или порознь?

– Вместе.

– Ты их знаешь?

– Я не разглядела их лиц... ночь была слишком темная.

– Но ведь ты могла узнать их по голосу.

– Только один из них что-то сказал, но его голос показался мне совершенно незнакомым.

– Хорошо. Бригадир, проводите ее в кухню и распорядитесь, чтобы она оставалась в замке до прибытия следователя, потому что ее показания весьма интересны.

– Но, господин судья, – заметил унтер-офицер, – эта девочка еще ничего не ела.

– О, я не голодна, – возразила Жервеза, – у меня нет ни малейшего аппетита, уверяю вас...

– Я понимаю это очень хорошо, – сказал ей Ривуа, – но если у тебя появится аппетит несколько позже, что вполне возможно, то я разрешаю тебе воспользоваться провизией, которую ты найдешь в кухне на столе. Бригадир, позовите Андоша Равье.

Андош Равье был маленьким худощавым человеком лет пятидесяти, смиренным и робким, по ремеслу ткач. Он был обременен многочисленным семейством, но пользовался репутацией честного человека. Поклонившись судье и мэру, он встал у дверей, как-то жалко и униженно сгорбившись и теребя в руках шапку.

– Здравствуйте, Андош, – обратился к нему Фовель. – Скажите нам, что вы знаете.

– Об убийстве, господин мэр, я не знаю ровным счетом ничего, – пробормотал ткач.

– Но вам, по всей вероятности, есть что сообщить, потому что бригадир представил нам вас в качестве свидетеля, и представил по вашей же просьбе.

– Свидетелем я быть могу... но убийство...

– Ну, так говорите же, что вы хотели сказать, и не злоупотребляйте нашим временем, которое для нас дорого.

– Дело вот в чем, господин мер, – робко начал ткач. – Вчера я пошел на Липовую ферму, отнес ключнице кусок полотна. Там меня угостили огромным стаканом сидра. У меня голова очень слабая – быть может, потому, что я никогда не пью. На обратном пути ноги мои подкашивались, и я постоянно спотыкался. Между тем я вовсе не был пьян, а так, немного навеселе. Пробило девять часов, когда я подходил к ограде парка господина Домера. Все знают, что в этом парке есть очень старое каштановое дерево, которому по древности нет равных в целом округе. Его длинные и толстые ветви касаются стены и опускаются вниз до самой земли. Всем известно...

– Черт побери! Да когда же вы начнете говорить о деле? – вскрикнул Фовель, считавший все эти подробности излишними. – Какую пользу мы можем извлечь из вашего каштанового дерева?

– Как вам угодно, господин мэр, – смиренно ответил ткач, – я должен повиноваться вам, но если вы не желаете, чтобы я говорил о каштановом дереве, то мне нечего больше сказать.

– Продолжайте, Андош, продолжайте, – вмешался Ривуа, – не стесняйтесь, а главное – не забывайте ничего. Дерево играет важную роль в вашем рассказе, не правда ли?

– Да, господин судья, правда. Еще издали я услышал лай собаки по ту сторону стены. Я остановился под каштановым деревом. Ночь была очень темная, и я сказал себе: «Андош, друг мой, через четверть часа ты будешь дома, но этого времени совершенно достаточно для того, чтобы выкурить трубку. Я набил трубку, вытащил из кармана спичку и только собрался зажечь ее, как услышал шум наверху, над своей головой.

– А! – воскликнул судья. – И что же это был за шум?

– Листья так сильно шумели, как будто по дереву прыгали две дюжины кошек. Ветви гнулись и, качаясь в воздухе, хлестали меня по лицу. «Там кто-то есть, – подумал я. – И что за нелепая мысль забраться на дерево в такую темную ночь, когда невозможно отличить правую руку от левой?» Вдруг одна из ветвей затрещала, и кто-то соскочил на землю так близко от меня, что при падении коснулся моего платья. Я зажег спичку и очутился лицом к лицу с человеком в штатском платье; он выругался, быстро повернулся и убежал бог знает куда.

– Итак, вы видели этого человека? – быстро спросил судья.

– Так же хорошо, как сейчас вижу вас, правда, это длилось не долго.

– Узнали ли вы его?

– И да и нет.

– Что вы хотите сказать?

– Я его знаю, не будучи с ним знаком. Я никогда не говорил с ним, но он больше десяти раз проходил мимо моего окна, когда я сидел за работой. Во всяком случае, я позволю отрубить себе руку, если это не один из шутов труппы, которая уехала из Рошвиля вчера утром.

– Имя его?.. Знаете ли вы его имя?

– Кажется, его зовут Сиди-Коко.

Ривуа не мог сдержать восклицания.

– Он убийца! – прошептал судья. – Это неоспоримо! Но он в наших руках и не сможет убежать! Скажите мне, Андош, – продолжал он уже громче, – когда вы взглянули на этого человека, не отразился ли на его лице испуг?

– У меня не было времени что-либо заметить, но я всегда знал, что эти люди, к числу которых принадлежит Сиди-Коко, – люди без всяких нравственных правил. Я подумал, что Коко приходил туда, чтобы украсть кур или кроликов Жака Ландри.

– Неужели вы не подумали сообщить о случившемся обитателям замка?

– Напротив, это было моей первой мыслью. Я не сделал этого, исходя из следующих соображений: «Жена моя, – подумал я, – ждет меня, Жак Ландри и Мариетта, наверно, уже спят, а я выпил столько сидра, что ноги не повинуются мне. Что за беда, если я сообщу Жаку о ночном приключении завтра утром? Не все ли равно – одним кроликом больше, одним меньше!» Но, когда на следующий день я собрался выйти из дома, мне сообщили о случившемся ночью несчастье.

– Ваше показание, Андош, очень важно. Ступайте в кухню: если вы голодны, то можете там позавтракать, но не уходите из замка, вы нам еще понадобятся.

– Благодарю вас, господин судья, от завтрака не откажусь, потому что сегодня еще ничего не ел.

Андош Равье смиренно поклонился и вышел.

– Бригадир, – сказал судья, – позовите теперь Жана Поке, третьего свидетеля. Мы должны допросить его, хотя, конечно, вряд ли услышим от него такие же важные сведения, какие нам уже известны.

Этот третий свидетель, работник фермы Этьо, был молодым человеком двадцати одного года, красивого и крепкого сложения, со смелыми и немного развязными манерами, самонадеянной физиономией и претензией на красноречие. Он был чрезвычайно доволен

тем, что ему пришлось играть роль в настоящей детективной истории, о которой будет говорить вся деревня.

– Господин мэр и господин судья, – начал он довольно развязно, – я ваш покорный слуга. Имя мое – Жан Поке. Смею уверить вас, что я вполне понимаю важность моих показаний, и скажу вам, милостивые государи, все, что мне известно относительно этого дела.

– Из ваших слов можно заключить, что вам многое известно, – заметил судья.

Жан Поке гордо приосанился.

– Конечно, конечно, – ответил он, – мне известны немаловажные вещи.

– Вы что, тоже встретили Сиди-Коко?

Свидетель посмотрел на судью с удивлением и скорчил презрительную гримасу.

– Сиди-Коко? – повторил он. – Кто это? Кажется, паяц, чревовещатель?.. О нет! Он тут ни при чем...

Судья в свою очередь с изумлением посмотрел на свидетеля: он был поражен неожиданной мыслью, что показания этого третьего свидетеля, возможно, будут несравнимо важнее двух первых.

Х

– Вы уверяете, что Сиди-Коко ни при чем? – повторил судья после некоторого молчания.

– Конечно, ни при чем. Я вам сейчас все объясню. Видите ли, вчера вечером, часов в восемь или четверть девятого, я был в Рошвиле и выходил из гостиницы «Яблоко без зернышек», где выпил кофе и пропустил несколько рюмок водки. Мои товарищи из кожи вон лезли, чтобы меня удержать. Они предлагали заплатить еще за круговую, только бы я остался, но это им не удалось: я спешил на свидание с одной девушкой, Лизеттой, на ферме моего хозяина. Зная, что женщины не любят, когда их заставляют ждать, я направился к ферме Этьо.

На некотором расстоянии от последнего дома в деревне я увидел на большой дороге какую-то высокую фигуру... Я, конечно, не испугался, потому что вообще ничего не боюсь, но подумал, не хочет ли кто сыграть со мной злую шутку, и потому остановился и крикнул: «Если вы какой-нибудь повеса или негодяй, то советую вам убраться подобру-поздорову, или я вас поколочу – это так же верно, как и то, что меня зовут Жаном Поке!»

Незнакомец ответил мне очень вежливо: «У меня добрые намерения, господин Жан Поке. Я путешественник и прошу вас оказать мне небольшую услугу». – «Услугу? – спросил я. – Какую же?» – «Скажите, это ли деревня Рошвиль?» – «Разумеется». – «Я знаю, что в Рошвиле есть большой дом, который называют замком. Где он?» – «Недалеко отсюда. А вы разве туда идете?» – «Да, туда». – «Позвольте вас спросить, откуда вы так поздно?» – «Со станции Малоне». – «Пешком?» – «Да. Путь, конечно, немалый, но, приехав из Парижа, я не мог найти экипаж. А оставаться ночевать на станции мне не хотелось. Я и решил отправиться пешком... солдат должен ко всему привыкать». – «А вы разве солдат?» – «Я офицер». – «И Жак Ландри вас знает?» – «Он меня никогда не видел, но он ждет меня». – «Если так, то пойдемте вместе. Нам по пути, мне как раз нужно пройти мимо парка. В темноте вы, пожалуй, не отыщете звонок». – «Я воспользуюсь вашей любезностью, но с условием, что вы примете от меня...» – «Ничего не приму». – «Сигару». – «Ну хорошо, от этого не откажусь».

Офицер вынул из красивой папиросницы отличную сигару стоимостью по меньшей мере десять су и подал ее мне. Огня у меня не было, он высек его кремнем и также закурил.

Судья перебил Жана Поке вопросом:

– Видели ли вы лицо этого иностранца?

– Вы знаете, огонь от кремня небольшой, – ответил рабочий, – я видел только прядь белокурых кудрявых волос и длинные, очень густые усы, которые были цвета спелой ржи и доходили чуть ли не до самых ушей.

– Сумеете ли вы узнать этого офицера?

– Не могу утверждать, что узнаю его самого, но усы его узнаю сразу.

– Хорошо, продолжайте.

– Мы шли быстро и через пять минут очутились у ворот. «Стой! – сказал я. – Мы пришли!» И позвонил.

– Не встретили ли вы кого-нибудь во время своего путешествия к замку? – спросил судья.

– Встретили какую-то маленькую девочку.

– Разговаривали ли вы о чем-нибудь, проходя мимо нее?

– Кажется, офицер в это время споткнулся и выругался. Я позвонил, в парке залаял Мунито, и спустя минуту мы услышали голос моряка: «Кто там? Кто пришел так поздно?» – «Вы Жак Ландри?» – спросил мой спутник. – «Да», – ответил управляющий. «Ну, так

отворяйте скорее, я лейтенант Жорж Прадель, племянник господина Домера. Вы, наверно, уже получили письмо от моего дяди, в котором он извещает вас, что я приеду...»

Мэр и судья пришли в неописуемое волнение от рассказа Жана Поке.

– Неужели и Прадель ночевал сегодня в замке? – воскликнул Ривуа. – Быть может, его также убили!

– Боже сохрани! – пробормотал Фовель, вытирая холодный пот со лба. – Тогда это будет тройное убийство в моей общине!

– Когда Поке окончит давать свои показания, мы проверим это, – сказал судья. – Продолжайте, любезный.

– Да я сказал уже почти все, что знаю... – возразил Поке. – Услышав имя Праделя, Жак Ландри не смог сдержать удивленного восклицания. Торопливо отворив ворота, он объяснил, что, согласно письму господина Домера, ждал Праделя не раньше следующего утра, а потому извиняется, что так долго заставил его стоять у ворот. Прадель сказал, что ему надоел Париж и он решил приехать днем раньше. Потом он пожал мне руку и прошел вместе с Ландри за ограду, а я побежал на свое свидание... Вот и все.

– Что вы скажете об этом, любезный судья? – спросил мэр.

– Теперь ясно, – сказал Ривуа, – для чего вынули серебряные блюда и приготовили импровизированный ужин... Продолжим осмотр дома – быть может, нам удастся отыскать третью жертву. Бригадир, позовите Жервезу, она лучше нас знает расположение комнат замка, пусть ведет нас.

Девочка сообщила, что помещение господина Домера и его племянницы находилось на первом этаже. Было также несколько комнат для приезжих друзей, и самая лучшая из них называлась Красной комнатой.

– Наверно, в ней-то и поместил Жак Ландри хозяйского племянника, – сказал Ривуа. – Знаешь ли ты, Жервеза, где эта комната?

– Да, господин судья.

– Ну так води нас в нее.

Все снова вышли в переднюю и, поднявшись по широкой лестнице, очутились в просторной галерее, разделявшей дом на две равные части. Тут было довольно темно, потому что свет проникал только из передней и из небольших отверстий в стене. Жервеза остановилась у одной из десяти дверей и сказала:

– Вот Красная комната.

– Отвори ее, бригадир, – произнес нетвердым голосом Фовель.

Жандарм повиновался. Все приготовились к ужасному зрелищу, предполагая увидеть обезображенный труп, но ничего подобного не случилось. Солнечные лучи открыто проникали в широкие окна и освещали изящной работы мебель и красные драпировки, благодаря которым эта комната и получила свое название. Все было в порядке. Здесь, очевидно, не произошло никакой драмы, а между тем было несомненно, что Жорж Прадель провел ночь в этой комнате. Постель была смята, у изголовья, на маленьком столике, стояла наполовину сгоревшая свеча, а возле сахарницы и графинчика с ромом лежал, вероятно забытый, кожаный портсигар с золотыми украшениями и буквами «П» и «Ж».

– Ах! – воскликнул Поке. – Вот и папиросница офицера, из которой он дал мне сигару.

– Как же вы узнали ее? Ведь вчера было темно.

– А по особому, приятному запаху.

Судья открыл портсигар. В одном отделении оказались визитные карточки и письма, в другом – сигары.

– Я узнаю и сигары, – прибавил работник фермы. – Я никогда еще не курил таких превосходных сигар! Да, каждая из них стоит не меньше десяти су.

XI

Теперь не оставалось никаких сомнений. На визитных карточках значилось имя Жоржа Праделя, и в письмах упоминалась его фамилия.

– Да, теперь ясно, что племянник господина Домера ночевал здесь, – прошептал судья. – Но где же он? Что с ним стало? Или, иначе, куда его дели? Ведь невозможно предположить, что он добровольно среди ночи оставил дом, в который только что приехал.

– Не перетаскивали ли его в другую комнату и не убили ли там? – предположил Сидуан Фовель.

– Нет, этого не может быть, – возразил Ривуа. – Зачем тащить его в другую комнату, разве в этой нельзя убить? Заметьте, что отсюда Прадель вышел полностью одетым. Он не забыл здесь ничего, кроме кожаного портсигара. Стало быть, у него было время встать и не спеша одеться.

– Я допускаю это, но повторяю свой вопрос: где же он может находиться?

– Мы постараемся это узнать. Осмотрим весь замок... Впрочем, у меня есть предчувствие, что мы больше ничего не узнаем.

Осмотр возобновился. Обошли все, начиная с погребов и заканчивая чердаками. Заглядывали в каждый угол, открывали шкафы, распарывали мебель, в которой можно было спрятать труп, но все напрасно. Молодой человек как сквозь землю провалился.

– Это непонятное исчезновение Праделя просто пугает меня. Такие чудеса могут только присниться, – пробормотал мировой судья.

Сидуан Фовель ничего не ответил, только вытер лоб, кажется, в десятый раз. Он дрожал как в лихорадке. Осмотр дома занял довольно много времени. Когда все общество проходило через переднюю, на часах в зале пробило час пополудни. В это время у ограды парка послышался стук экипажа.

– Следователь! – воскликнул Фовель. – Он не успел на одиннадцатичасовой поезд и приехал в омнибусе в сорок пять минут двенадцатого. На станцию прибыл в пять минут первого, а моя добрая Помпонетта домчала его сюда за пятьдесят минут. Другой такой лошади не найти в округе!

С этими словами мэр, намереваясь полюбоваться на бег своей лошади, вооружился красивым пенсне, но вдруг сильно нахмурился.

– Черт побери! – произнес он с неудовольствием. – Сколько народу втиснулось в мой тильбюри, между тем как в нем только два места! Этот бессовестный Жан-Мари совсем с ума сошел! Как еще не поломались рессоры и не сдохла Помпонетта! Жан-Мари заплатится за это!

Между тем Помпонетта бежала по аллее так быстро, как будто тащить нагруженный тильбюри ей было совсем не трудно. Двое сидели на скамье экипажа, третий очень рискованно прицепился сзади и, наконец, сам Жан-Мари едва держался на передке. Тильбюри остановился у подъезда. Фовель, понимая, что теперь некстати высказывать неудовольствие, бросил на слугу свирепый взгляд. Бедняк догадался, в чем дело, и пробормотал:

– Разве меня спрашивали? Жандарм сообщил им, что их ожидает тильбюри, а они и уселись втроем...

Первым из экипажа вышел следователь. Это был высокий худощавый мужчина лет сорока пяти, с пробивающимися кое-где сединами, громким голосом и вдобавок близорукый. Его звали Полем Абади, и он, кажется, спал и видел, чтобы его скорее перевели из руанского суда в парижский. Спутнику его было лет тридцать, но на вид он казался еще моложе. Наружность его была самая обыкновенная. Среднего роста, худенький, выбритый, с бледным лицом, он походил на провинциального актера. Волосы у него были черные как смоль,

короткие и густые. На шее, на шелковом шнурке, висело пенсне. Повторяем, что не было совершенно ничего примечательного в наружности этого человека. Никто бы не обратил на него внимания. Прицепившийся сзади тильбюри был простым писарем, о котором не стоит говорить.

Следователь познакомился с Ривуа, еще когда последний был адвокатом в Руане. Пожимая ему руки и называя его любезным учителем, Абади изъявил желание, чтобы Ривуа представил его Фовелю. Человек в пенсне добродушно улыбался и кланялся во все стороны.

– Теперь к делу, – сказал следователь. – Из телеграммы господина мэра я узнал, что в замке совершилось двойное убийство...

– Да, и к этому надо еще прибавить непонятное исчезновение одной личности, – заметил Ривуа.

– Дело, значит, темное, запутанное?..

– Очень темное, загадочное и странное!

– Вероятно, вы произвели предварительный осмотр?

– Да, мы этим занимаемся все утро.

– Напали ли вы на след виновных?

– Два часа назад я думал, что виновный найден, но это необъяснимое исчезновение все перевернуло вверх дном. Я положительно теряю голову.

– Ну, мы постараемся разгадать все, что кажется необъяснимым, – сказал следователь.

– Это не так легко.

– У нас есть для этого бесценный человек.

– Кто же это?

– А вот этот господин, – сказал следователь, показывая на человечка в пенсне.

Сидуан Фовель и судья с любопытством посмотрели на незнакомца, который скромно поклонился им обоим.

– Это наша знаменитость. Вы, вероятно, не раз видели его имя в «Судебном вестнике», когда речь шла о каком-нибудь запутанном процессе. На какие бы хитрости ни пускался преступник с целью отвести от себя подозрения, этот господин всегда доищется истины. Но пора назвать вам его имя. Это Жобен.

XII

Рошвильский мэр никогда ничего не читал, кроме газеты «Вести с Нижней Сены» и никогда не слышал имени Жобена. Ривуа, напротив, следил за событиями по «Судебному вестнику», а потому это имя было ему хорошо знакомо.

– Неужели это господин Жобен? – воскликнул он. – Тот самый Жобен, который прославился благодаря делу Вормса?

– Да, он самый.

– Ну, господин Жобен, я счастлив познакомиться с вами. Такие люди, как вы, большая редкость. Подобную энергию и самоотверженность трудно встретить. Позвольте мне пожать вам руку.

– Слишком много чести, господин судья, – произнес полицейский, покраснев от удовольствия и отвечая на дружеское рукопожатие.

– Когда я получил телеграмму от господина мэра, Жобен, приглашенный в Руан для расследования одного запутанного дела, уже окончил свое занятие и сидел в моем кабинете. Два дня он совершенно свободен, а потому и предложил мне свою помощь по этому делу, чему я, конечно, очень обрадовался. Теперь мы отправимся посмотреть на убитых, потом вы сообщите нам все, что уже знаете, и, наконец, мы допросим свидетелей. Есть ли здесь доктор?

– Да, – ответил мэр, – молодой человек из Парижа. Его имя Гренье.

– Так пошлите же за ним.

Пока бригадир ищет доктора, а мэр и судья направляются со вновь прибывшими в комнаты Жака и Мариетты, мы познакомим читателя с Жобеном. Памфилу Жобену в 1874 году было 36 лет. Отец его был торговцем и имел фруктовую лавку. Этот честный делец, овдовевший после десятилетнего брака, души не чаял в своем единственном сыне и задумал сделать его адвокатом. По прихоти родителя мальчик был отдан в коллегию Людовика Великого, но ужасно ленился там и, вместо того чтобы учить латинские и греческие переводы, читал всевозможные романы. В особенности он любил романы о парижской модной жизни. Всецело предаваясь мечтаниям, Жобен пропускал занятия и не посвящал должного времени наукам. На него не действовали ни насмешки товарищей, ни даже выговоры учителей. Он только пожимал плечами и продолжал бездельничать. В это время отец его скоропостижно умер от тяжелой болезни желудка.

Девятнадцатилетний Жобен получил в наследство лавку и сто семьдесят тысяч франков наличными, которые были помещены в государственный банк. Лавку он продал за тридцать тысяч франков, а сам начал жить весело и припеваючи, ничем не занимаясь. Сняв квартиру в самой лучшей части города, он завел превосходных лошадей, экипажи, держал многочисленную прислугу, модного портного и любовниц.

Отцовского наследства ему хватило лишь на два с половиной года. Истратив все до последнего су, он не стал брать в долг, а продал свою мебель, поселился в меблированной комнате и только тогда, с какими-нибудь двумя или тремя тысячами франков в кармане, задался серьезным вопросом: чем жить и что делать. После долгих соображений он решил, что не способен ни на что, кроме как быть писателем, и этим рассчитывал приобрести состояние. Не откладывая свое намерение в долгий ящик, он написал роман и озаглавил его «Ласточки с Аркольского моста». Чего только не было в этом романе: и отравления, и прелюбодеяния, и детоубийства. Он также написал драму, которую назвал «Новый граф Сент-Элен», – само название говорит за себя. С этими двумя произведениями он ходил из одной редакции в другую, но везде терпел неудачу. Никто не желал не только печатать, но даже читать его произведения.

Время шло, денег оставалось очень немного, а всякая надежда исчезала. Вдруг ему улыбнулось счастье. Редактор одного небольшого журнала прочел роман Жобена и, найдя его интересным благодаря несметному количеству описанных в нем убийств и преступлений, предложил напечатать его по одному су за строчку. Как обрадовался Жобен! В то же время в театре «Монпарнас» приняли его драму. Молодой человек ожил. «Начало у меня будет очень скромное, – подумал он, – но потом...»

Увы, его надеждам не суждено было осуществиться. Роман не напечатали, так как хозяин бумажного магазина перестал давать редактору в долг бумагу, и газета окончила свое существование. А драма в первый же вечер провалилась со скандалом.

XIII

Директор театра во время репетиций драмы горячо привязался к Жобену и при виде его отчаяния после провала пьесы стал утешать его:

– Не унывайте, голубчик, это со всяким может случиться. Освистывали даже Скриба, Дюма... Вы напишете другую пьесу...

Жобен печально покачал головой.

– Конечно, – продолжал директор, – потеряв топор, сгоряча бросают и рукоятку, но потом одумываются и поднимают ее. То же будет и с вами.

– Нет, со мной этого не случится. Я слишком много возомнил о себе и за это справедливо наказан. Какой у меня талант?... Его нет и никогда не будет!

– Вы занимаетесь каким-нибудь ремеслом или служите?

– Не служу и ничем не занимаюсь.

– А деньги у вас есть?

– Есть – десять франков.

– Ну, с этим не далеко уедешь. Что же вы думаете теперь делать?

– Я куплю пистолет, поднимусь в свою мансарду и, написав записку, чтобы в моей смерти никого не обвиняли, пушу себе в лоб пулю... Быстрая и легкая развязка!

– Ах вы, презренный! – вскрикнул взволнованный директор. – Думать о самоубийстве в ваши годы!

Жобен улыбнулся.

– В мои годы как раз можно думать об этом, – возразил он, – будь я стариком, я бы не говорил о смерти, ведь мне недолго оставалось бы жить, а теперь впереди целая вечность! Я чувствую себя неспособным заработать на хлеб, а нищенствовать или воровать не намерен... Согласитесь сами.

– Ваше положение действительно безотраднo, но прежде чем лишать себя жизни, отчего вы не попробуете свои силы на каком-нибудь другом поприще?

– Да на каком же?

– Ну, поступите на военную службу... это благородное занятие...

– Я пошел бы на службу, если бы у нас была война, но в мирное время не хочу, у меня нет призвания к солдатской жизни и к чистке лошадей...

– Вы, кажется, любите театр? Станьте актером.

– Нечего сказать, хороший выйдет из меня актер!

– Как знать?

– Я уверен в своей бездарности... да и кто возьмет меня в свою труппу?

– А вот я, например.

– Вы, добрейший директор?

– Да, я!.. Вначале я вам, конечно, много платить не буду. Какие-нибудь шестьдесят франков в месяц или сорок су в день, но это хоть что-то. С таким жалованием вы не умрете с голоду. Ну, согласны ли вы?

– Конечно, согласен, только вы делаете не очень выгодное приобретение...

– Ну, это уж мое дело. Итак, по рукам?

Через неделю Жобен дебютировал под каким-то псевдонимом. Предчувствие его не обмануло: он был плохим актером, только гримировался отлично и как угодно мог изменять свою физиономию. Так же хорошо ему удавалось менять и голос. Но в этом состояли все сценические достоинства Жобена. Когда ему доставалась роль восьмидесятилетнего старика, то он, несмотря на поразительное сходство со стариком, играл так, что всякий угадывал в нем молодого. Впрочем, он все-таки приносил некоторую пользу: если какому-нибудь актеру

случалось заболеть, Жобен благодаря своей удивительной памяти за день или два заучивал роль и заменял его. Директор повысил ему месячную плату, назначив вместо шестидесяти франков сто. Новоиспеченный актер перестал жаловаться на судьбу и, как прежде, посвящал большую часть времени чтению романов.

Тогда большой популярностью пользовались судебные романы. Публика с жадностью следила за описанием процессов, где главную роль обычно играл полицейский агент, разыскивающий преступника и спасающий невинно обвиненного, против которого существовало много улик. Жобен относился к полицейским героям с энтузиазмом. По его мнению, прозорливый и неутомимый сыщик, изо всех сил старающийся открыть истину, был достоин уважения.

Итак, наш молодой актер был очарован искусством, с которым полицейские агенты вели дела. Он почувствовал желание попытать удачи на этом поприще и, недолго думая, отправился к бригадиру жандармов с предложением своих услуг. О нем навели справки, прошлое молодого человека оказалось безупречным в нравственном отношении, и его решили испытать. В первых же порученных ему делах он обнаружил блестящий ум и огромное рвение и снискал благосклонность начальства и расположение товарищей.

Ему все прочили хорошее будущее, и он сам мечтал прославиться. Жобен от всей души желал, чтобы ему поручили какое-нибудь запутанное дело, которое никто не может распутать и в котором он бы проявил себя. Такой случай наконец представился. Это было чрезвычайно сложное дело по убийству банкира Вормса. С тех пор слава Жобена неуклонно росла. Когда его назначали следователем по какому-нибудь делу, можно было заранее поручиться за успех следствия.

XIV

По приказанию следователя тела Мариетты и ее отца положили в кладовой на два тюфяка и накрыли простыней. В это время вернулся бригадир.

– Вы одни? – воскликнул Сидуан Фовель.

– Да, господин мэр, – ответил жандарм, – доктор Гренье с утра еще уехал к своим клиентам в окрестные деревни. Но его ждут дома с минуты на минуту. Я сказал его экономке, чтобы он тотчас направился сюда.

– Ну и отлично! А теперь приступим к допросу свидетелей.

– Мне бы очень хотелось присутствовать на допросе, – сказал Жобен.

– Само собой разумеется, вы будете принимать в нем участие.

– В таком случае я попросил бы еще несколько минут не вызывать свидетелей.

– Почему?

– Мне необходимо убедиться в некоторых обстоятельствах.

– Поступайте, как считаете нужным, мы подождем...

Полицейский всем поклонился.

– Когда вы прибыли в замок, господин судья и господин мэр, двери в нем были заперты? – спросил он.

– Да, – ответил Фовель. – На замок. Без помощи слесаря мы не смогли бы войти. Ключ висел в передней, на гвозде за дверью... он, наверно, и сейчас там.

Жобен вошел в комнату Жака. Из нее был еще один выход – в сад. Полицейский приблизился к этой двери и отворил ее отмычкой.

– Замок в один поворот, – пробормотал он, – и ключа нет. Отсюда, я уверен, и вышел убийца.

Он стал изучать открытые шкафы и сундуки, перебирать вещи, разбросанные по полу. Жобен хотел удостовериться, что убийца не выронил какую-нибудь вещь, которая бы его немедленно обличила. С этой целью он выворачивал и вытряхивал скомканную одежду, пересматривал книги на полу и мешки с разными семенами. Сначала ничего не находилось, но вдруг Жобен радостно вскрикнул: по полу покатались две блестящие монеты, вывалившиеся из матросского кафтана.

– Что это? – спросил следователь.

Полицейский поднял деньги и произнес:

– Это золото.

– Кажется, иностранное?

– Да, – подтвердил Жобен, – испанский квадрупль и английская гинея. Эти монеты, наверно, нечаянно упали, когда убийца набивал ими свои карманы... Теперь ясно, что убийство совершено ради кражи. В этом нет ни малейшего сомнения. Хорошо, что мы это узнали.

– Откуда у Ландри могли взяться эти золотые монеты?

– Вероятно, владелец замка скажет нам это.

– Хорошо. Но как убийца узнал, что деньги хранятся в этой комнате?

– Если бы мы могли выяснить это, а также то, кто именно убийца, то он был бы уже в наших руках. Меня больше всего интересуют эти монеты: квадрупли и гинеи не обращаются во Франции, каким же образом они попали сюда?

– Это, положим, неудивительно, – заметил судья. – У Домера богатые суда в Гавре, они привозят много иностранного золота.

– Так-то оно так, – возразил Жобен, – но я уверен, что он не платил этим золотом управляющему, ведь тот не смог бы им воспользоваться. Не оставил ли Домера это золото на хранение Ландре?

– Очень вероятно, – сказал следователь.

– Убийца, несомненно, знал о существовании денег, – продолжал полицейский, – но ему не было известно, где именно они находятся, и он перерыл все вверх дном. Не угодно ли вам, господин следователь, убедиться в правоте моих слов? Пойдемте... – С этими словами Жобен прошел по коридору в комнату Мариетты.

– Вот, посмотрите, – продолжал он, – за исключением смятой постели и одежды на стуле, все в полном порядке, шкаф и комод не прорублены, как в той комнате. Убийца, возможно, даже не потрудился войти сюда. Это было для него лишнее. Он нашел, что искал, и поспешил скрыться со своей добычей. Для него одно спасение: расплавить золото. Если он этого не сделает, то наверняка попадется... А я держу пари, что если он не опытный вор, то и не подумает об этом, а просто пойдет менять деньги, и тогда он наш.

– Итак, Жобен, вы довольны своим открытием? – спросил следователь.

– Конечно. Начало положено.

– Так приступим к допросу.

По приказанию следователя посреди передней поставили большой стол с витыми ножками и кресло из залы, а рядом с ним маленький стол для писаря. Свидетели появлялись поочередно в том же порядке, что и прежде. Говорили они то же самое, почти в тех же выражениях, но так как слова их записывались, то это отняло много времени.

Когда неграмотный Андош Равье подписывался крестиком под своими показаниями, пришлось принести свечи. Оставалось допросить Жана Поке, но следователь хотел сначала узнать мнение Жобена о полученных сведениях.

– Ну, – спросил он, – что вы скажете о Сиди-Коко? Нужно ли нам искать другого виновного? Не доказана ли виновность чревовещателя?

Жобен отрицательно покачал головой.

– Как! – воскликнул следователь. – Вы считаете этого человека невинным?

Жобен повторил отрицательный жест и ответил:

– Вы делаете мне большую честь, советуясь со мной. Скажу откровенно, что в глубине души я почти уверен в невинности чревовещателя.

– Да ведь против него есть улики.

– Позвольте спросить какие?

– Во-первых, тот факт, что он находился вчера вечером в парке в то время, когда было совершено убийство, и спускался на дорогу с ветвей каштана, где его видел Андош. Разве этой улики недостаточно?

– По-моему, недостаточно, это лишь доказательство того, – возразил Жобен, – что Сиди-Коко, несмотря на запрет Мариетты, хотел ее увидеть... Влюбленному это прости-тельно, осмелюсь к тому же заметить, что для совершения убийства чревовещатель должен был войти в парк после того, как он из него вышел...

– Нет, когда Андош Равье видел его, преступление было уже совершено.

– Я с этим не согласен.

– На каком же основании?

– Да ведь Андош сказал, что тогда на колокольне пробило девять часов. На то, чтобы совершить преступление и найти деньги, преступнику понадобился по крайней мере час. Нельзя же предположить, что Жак и Мариетта в восемь часов улеглись спать, тем более что Жервеза ушла от них в половине девятого.

– Свидетель легко мог ошибиться во времени, потому что находился под влиянием выпитого сидра.

– Это еще подлежит сомнению.

– И все-таки, – сухо сказал следователь, – я уверен, что убийца – Сиди-Коко.

XV

Жобен поклонился:

– Вы сами пожелали узнать мое мнение, господин следователь, и я, как и всегда, откровенно высказал его.

Абади понял, что уязвил полицейского.

– Конечно! – воскликнул он. – Ваша откровенность делает вам честь. Мы расходимся во мнениях, но вы, быть может, видите больше, чем я. Ход дела покажет, кто из нас прав... Во всяком случае я считаю необходимым арестовать чревовещателя. Если он окажется невинным, то я отпущу его после допроса.

– Разумеется, – заметил Фовель, – с подобного сорта людьми не церемонятся... Арест не скомпрометирует их, им нечего терять!.. Этот сброд, извините за выражение...

– Полно, господин мэр, разве нет среди акробатов честных людей?

– А вы думаете, есть?

– Да, я уверен, что большая часть из них – люди честные.

– Ну, признаюсь...

– Если бы они все были негодьями, полиция запретила бы их ремесло. Я знал одну акробатку, Перин Розье, прозванную женой паяца. Бедняжка была воплощением добродетели, а между тем ее осудили заочно на смертную казнь за чужую вину.

– А невиновность ее была доказана? – спросил Фовель.

– Вполне.

– Тем лучше для нее, но это все-таки не меняет настоящего дела. Кроме Жака и Мариетты, чревовещатель, может быть, убил еще и племянника господина Домера...

На это нечего было возразить. Жобен только пожал плечами и замолчал.

– Здесь ли еще труппа, в которой состоит Сиди-Коко? – спросил следователь.

– Нет, – ответил мэр, – они вчера утром уехали.

– Значит, остался один Сиди-Коко?

– Должно быть, впрочем, я не знаю.

– Не известно ли вам, куда отправились эти скоморохи?

– В Сент-Ави, где в воскресенье храмовый праздник.

– А далеко это от Рошвиля?

– Двенадцать километров.

– Бригадир!

– Что прикажете, господин следователь?

– Я сейчас напишу приказ арестовать фокусника по имени Сиди-Коко... Вы возьмете с собой двух жандармов, отправитесь в Сент-Ави и арестуете его.

– Слушаюсь, господин следователь!

– Если придете во время представления, дождитесь его окончания. Пусть публика разойдется сначала... Словом, сделайте все тихо, без скандала. Предписываю вам также не объяснять чревовещателю, из-за чего его подвергают аресту. Если он спросит, отмалчивайтесь.

– Ваше приказание будет в точности исполнено, – ответил бригадир.

– Это еще не все. Вы отведете его в рошвилльскую ратушу, посадите под стражу и немедленно явитесь ко мне с докладом в гостиницу, где я остановлюсь. Ведь тут есть гостиница?

– Конечно, и очень хорошая, называется она «Яблоко без зернышек» и содержится Огюстом Нико.

– Ах, господин следователь, – воскликнул Сидуан Фовель, – вы, верно, шутите! А мой-то дом на что? Не откажитесь, пожалуйста, разместиться у меня. Я отдам в ваше распоряжение четыре превосходные комнаты. Уверяю вас, вы останетесь довольны. Если же вы не согласитесь, то обидите меня.

– Боже упаси, господин мэр! Я не позволю себе вас обидеть, – с улыбкой ответил следователь. – С радостью принимаю ваше приглашение и заранее извиняюсь за беспокойство, которое причиню вам.

– Какое беспокойство, помилуйте!.. – возразил обрадованный Фовель. – Мои дела идут хорошо, у меня чудесный дом, кухарка, горничная, садовник... а какое у меня в погребах вино! Я приглашаю сегодня к себе ужинать господина судью и...

Мэр остановился и вопросительно взглянул на следователя, который незаметно кивнул ему.

– И господина Жобена.

Полицейский заметил, что мэр колебался, пригласить его или нет, и сказал:

– Увольте, господин мэр... сегодня вечером у меня много дел, я наскоро съем кусок мяса и выпью стакан вина, а ночевать останусь в замке.

Фовелю не особенно улыбалось то, что в праздничной трапезе примет участие какой-то полицейский, и он больше не настаивал. Следователь отдал приказание бригадиру арестовать Сиди-Коко.

– Как доставить его сюда, господин следователь? Пешком не слишком ли долго?

– Найдите повозку для четверых. На обратном пути можете сами править лошадьми, а Сиди-Коко посадите между двумя жандармами.

– Слушаюсь.

– Но если чревовещатель действительно украл деньги, – сказал Жобен, – то жандармы совершат напрасную прогулку: Сиди-Коко, если он виноват, наверняка уже ускользнул.

– Это нельзя утверждать, – возразил следователь. – Своим бегством он навлек бы на себя подозрение. А он, напротив, постарается его устранить.

– Да как же он может устранить его, когда ему известно, что Андош Равье видел его? Если он попадет в руки жандармов, это будет вернейшим доказательством его невинности.

Следователь ничего не ответил на это логичное замечание. Сидуан Фовель, догнав уходящего бригадира, шепнул ему:

– Зайдите ко мне, любезнейший, и предупредите мою жену, чтобы она постаралась приготовить ужин получше, так как у нас будут гости.

– Ну, – сказал следователь, – теперь приступим к допросу третьего свидетеля.

Вошел Жан Поке и начал свои показания. Жобен внимательно слушал каждое его слово и приходил во все большее оживление. Окончив рассказ, Жан Поке, не знавший грамоты, подписал свои показания крестиком, затем ему велели удалиться.

– Ну что, господин следователь? – сказал полицейский. – Разве я был не прав, когда говорил о невинности фокусника?

– Но разве эта невинность подтверждается показаниями Жана Поке?

– Конечно! Ведь Поке провожал в замок племянника Домера почти в то же самое время, как Жервеза вышла оттуда. Они даже встретили ее на дороге. Жак Ландри отворял лейтенанту сам, стало быть, он был тогда еще жив... Ну, предположим, что на приготовление ужина и на сам ужин потребовалось полтора часа. Из этого всего следует, что Жорж Прадель не мог прийти в свою комнату раньше десяти... а тогда чревовещателя уже и след простыл. Мог ли он снова проникнуть в замок, если все двери в нем были заперты и, кроме того, там еще находился чужой человек? Если Сиди-Коко начал рубить шкафы и сундуки, то этим стуком он непременно должен был разбудить лейтенанта.

– Откуда же вы знаете, что лейтенант не проснулся?

– Предположим, господин следователь, что он проснулся, но в таком случае куда же он подевался? Ведь он исчез – и вы это хорошо знаете.

– Конечно, знаю, и знаю, что это исчезновение запутывает дело. Стоит только выяснить, где сейчас Жорж Прадель, и все объяснится. По всей вероятности, убийца нанес ему удар после того, как уже покончил с Мариеттой и ее отцом.

– Хорошо, но куда же он подевал труп?

– Спрятал.

– Нет, это невозможно! Жорж Прадель жив. Я убежден в этом.

– И что же вы думаете, Жобен?

– Что я думаю? – с жаром заговорил полицейский, но вдруг осекся. – Ради бога, не спрашивайте меня об этом... Я и сам страшусь своей мысли...

XVI

Настало минутное молчание. Следователь нарушил его.

– А я боюсь, – сказал он, – что угадываю вашу мысль.

– В таком случае вы все понимаете, – ответил полицейский.

– Выразитесь яснее, кого вы обвиняете?

– Я – никого... обвиняют обстоятельства, из которых я делаю вывод, что убийца не кто иной, как Жорж Прадель.

– Это безумие! Нелепость! – воскликнули мэр и судья почти одновременно.

– Почему же безумие и нелепость?

– Можно ли подозревать в краже племянника миллионера? – возмутился судья.

– Которого к тому же ждет блестящее будущее, – прибавил мер. – Он не захочет все испортить.

– Я тоже думаю, Жобен, что вы ошибаетесь, – заметил следователь. – Впрочем, чего не бывает на свете! Каковы же, по-вашему, улики против Жоржа Праделя?

– Одна, самая ужасная улика – его отсутствие...

– Которое ничего не доказывает.

– Как это ничего не доказывает, господин следователь? В таком случае объясните же его отсутствие.

– Я пока не могу ничем его объяснить. Здесь кроется какая-то тайна, которая, однако, не дает нам права возводить столь тяжкое обвинение на этого честного, благородного молодого человека! Я нахожу непростительным подозревать его в этом гнусном преступлении.

– Ах, зачем я высказался, мне следовало молчать! – произнес с досадой полицейский. – Но знайте, что сегодня вечером я буду иметь неопровержимые доказательства. Сейчас я только сделал логический вывод, который не в силах опровергнуть ни один искусный адвокат. Вчера между восемью и девятью часами Прадель был здесь. Рабочий видел, как Жак Ландри сам отпер ему ворота. Прадель вошел в замок, и ворота за ним затворились. Сегодня утром находят только два трупа, а Праделя нет! Из этого следует...

Фовель пожал плечами. Судья нахмурился. Следователь задумчиво опустил голову.

– Хорошо, – заметил Ривуа, – но вам очень хорошо известно, что всякое преступление непременно должно иметь какую-нибудь побудительную причину, какую-нибудь цель, и чем выше общественное положение преступника, тем значительнее эта причина. Согласны ли вы со мной?

– Конечно.

– Здесь же мы видим молодого человека, принадлежащего к высшему кругу, который превосходно окончил курс в военном училище и в двадцать пять лет уже был произведен в лейтенанты. Что же могло побудить его испортить такую блистательную карьеру?

– Надеюсь, господин судья, вы позволите мне в свою очередь задать вам вопрос. Если предположить, что убийца – Сиди-Коко, то что могло побудить его совершить это преступление?

– Желание завладеть деньгами, которые были спрятаны в комнате управляющего.

– По-моему, та же самая причина и побудила Праделя совершить убийство.

– Нет-нет! Этого невозможно допустить! Чревовещатель – всего лишь ничтожный акробат, у которого порой нет и нескольких су, а Жорж Прадель – племянник миллионера.

– Но разве он сам также миллионер? Есть ли у него хоть что-нибудь свое?

– Не думаю. Домера разбогател посредством торговли, а сестра его была очень бедна... Впрочем, я могу сообщить вам, что он ничего не жалеет для своего племянника и щедро тратит деньги на его удовольствия.

– Знакомы ли вы с этим молодым человеком?

– Нет, мне никогда не приходилось встречаться с ним, но я часто слышал отзывы о нем, и всегда самые лестные. По словам Домера, у него золотое сердце.

– А в моей служебной практике, – возразил Жобен, – мне не раз приходилось встречаться с людьми, которые пользовались глубоким уважением до той самой минуты, пока с них не спадала маска. Итак, повторяю, что мой вывод вполне логичен... Чтобы убедить вас, мне недостает только материального доказательства, которое, как я предчувствую, скоро будет у меня в руках.

Разговор этот был прерван приходом доктора Гренье. Извинившись, что он так долго заставил себя ждать, молодой врач спросил, можно ли приступить к вскрытию тел, сообщив при этом, что он захватил с собой все необходимые для операции инструменты.

– Да, – ответил следователь, – прежде всего мы должны узнать, как скоро после ужина жертвы были убиты.

Жандармы перенесли тело Ландри в людскую и положили его на стол; один солдат со свечой в руке светил доктору, который, подвязавшись передником, засучив рукава и вооружившись скальпелем, приступил к делу. Было восемь часов вечера.

– Ну, дорогие мои гости, – сказал Фовель, обращаясь к следователю и судье, – здесь нам, кажется, больше делать нечего, а потому прошу вас пожаловать ко мне: ужин, наверно, уже остыл.

Предложение это было принято.

– Так вы отказываетесь идти с нами, Жобен? – спросил следователь.

– Да, отказываюсь, – отозвался полицейский. – Мне теперь не до ужина! Я не успокоюсь до тех пор, пока не найду подтверждений своей догадке. Приятного аппетита, господа!

– А вам успеха, Жобен!

– Извините, пожалуйста, – сказал полицейский, – я задержу вас на минуту. Не могли бы вы, господин судья, показать мне комнату, в которой, по-вашему, ночевал лейтенант?

– Мы точно знаем, что он провел ночь в этой комнате, потому что нашли там портсигар, оставленный Праделем.

– Неужели? Отчего вы думаете, что это его портсигар?

– Во-первых, на нем буквы «П» и «Ж», а во-вторых, в нем оказались визитные карточки и письма. Сомнений быть не может.

– Письма! – прошептал Жобен изумленно. – Браво! Это сверх всякого ожидания! Письма – это главный козырь в моей игре!

Ривуа взял свечу в подсвечнике и провел Жобена в Красную комнату, где и оставил полицейского, еще раз пожелав ему успеха. Оставшись один, Жобен осмотрелся. Прежде всего он подошел к мраморному камину и зажег свечи в канделябрах. Комната ярко осветилась. Полицейский осмотрел, как была измята постель, потом провел по ней рукой, чтобы убедиться, лежали на ней или умышленно смяли руками.

– А ведь негодяй действительно лежал, – пробормотал он, – несмотря на то что собирался совершить убийство. Сильный характер!

На мраморном ночном столике Жобен заметил пепел от сигар.

– Он курил, вместо того чтобы спать, – продолжал полицейский, – обдумывал свой кровавый план...

Жобен взял графинчик с ромом и посмотрел на свет.

– Недостает целой трети, – сказал он. – Он выпил рюмок пять! Ему хватило и этого... Другой бы для храбрости осушил этот графинчик до дна!

Заметив портсигар, Жобен схватил его и принялся внимательно осматривать.

XVII

– Какой красивый! – заметил сыщик. – И как пахнет! Как волосы женщины... С каким вкусом оттиснуты начальные буквы... Конечно, куплен в самом шикарном магазине.

После минутного молчания Жобен продолжал:

– Несмотря на все свое присутствие духа, он, наверно, был очень растерян, раз оставил здесь портсигар... Посмотрим, что в нем.

Жобен открыл его и начал перебирать карточки и письма. Там было всего три конверта, подписанных одной и той же рукой. На первом значилось: «В Алжир, лейтенанту из Гавра». Вот его содержание:

«Наконец, после трехмесячного молчания, ты ответил мне, милый Жорж, но какое грустное это письмо, еще грустнее прежнего, в каждой строчке слышится безнадежная тоска. По всему видно, что у тебя какое-то горе, дитя мое. Но в твои лета и при таком блестящем положении на службе может ли быть другое горе, кроме сердечных страданий? Я уверен, что у тебя завелась какая-нибудь страстишка. Не правда ли, я не ошибся? Я хоть и стар, но помню прошлое и знаю, как это бывает. Человек считает себя несчастным, теряет всякую надежду, уверен, что никогда не утешится... Это общее правило... Но проходит некоторое время, и в одно прекрасное утро он просыпается с улыбкой и смеется над недавним своим отчаянием – ему кажется невероятным, что он хотел умереть из-за таких пустяков.

Отчего ты со мной не откровенен? Разве ты не знаешь, что я люблю тебя, как родного сына, и принимаю горячее участие во всем, что тебя касается?

Если бы ты посоветовался со мной, я бы развлек тебя, поддержал и помог тебе стать прежним, веселым и беспечным Жоржем. Тоскуешь ты, по-видимому, не со вчерашнего дня. Впрочем, я надеюсь избавить тебя от этой тоски, когда ты приедешь к нам. В письме твоём единственное утешительное известие – что ты берешь отпуск, чтобы повидаться со мной и Леонтиной.

Я приложу все старания, чтобы залечить раны твоего сердца, и заранее убежден в благоприятном исходе болезни. Сознайся, что я прав: ты будешь счастлив с нами. Когда ты уехал в 1871 году в Африку, Леонтина была еще ребенком, но с тех пор прошло три года, и она теперь семнадцатилетняя девушка и хороша как ангел. Все восхищаются ее красотой, но мне в ней больше всего нравится ее доброе сердце. Она только и бредит, что о свидании с тобой.

Твой приезд и мне пойдет на пользу. Не помню, писал ли я тебе, что приобрел в окрестностях Руана небольшое, но очень живописное имение с красивым замком и парком. Там я провожу ежегодно по три недели. Недавно я услышал, что мой сосед по имению разорился и продает свою землю. У него хорошие пашни и луга. Если бы мне удалось присоединить эту землю к своей, то вышло бы довольно большое имение. Я серьезно намерен купить эту землю и дать ее в приданое Леонтине. Представь себе, что к твоей сестре сватались уже трое, не подозревая даже, что за ней такое приданое.

Во всяком случае я не начну ничего, не посоветовавшись с тобой. Мне хотелось бы, чтобы ты познакомился с Рошвилем. (Предупреждаю тебя, там много дичи.) Ты посоветуешь, какие мне сделать перемены и улучшения в замке. Я вполне полагаюсь на твой вкус. Но все, что я сказал тебе, должно остаться между нами. Я желал бы удивить Леонтину, сказав ей в один прекрасный день: «Ну, крошка моя, Рошвиль принадлежит тебе, это свадебный подарок от старого дяди...»

Но я уж слишком разболтался, дитя мое, спешу окончить. Не знаю, буду ли я в Гавре или в Рошвиле, когда ты приедешь. Во всяком случае по приезде в Марсель зайди на почту, где ты найдешь мое письмо: в нем я сообщу тебе, куда ехать.

До свидания же, милый мой, целую тебя с родительской нежностью, твой дядя Филипп Домера.

PS. Вместе с этим письмом посылаю тебе три банковских билета в тысячу франков каждый. Быть может, у тебя есть какие-то долги».

– Черт побери! – воскликнул Жобен, прочитав последние строки. – Достойный дядя! Жаль, что у такого превосходного человека племянник – такой подлец.

Он снова положил письмо в портсигар.

– Очень трогательное, но ничего не объясняющее письмо, – продолжал он. – Из него только видно, что Жорж Прадель горюет, а дядя приписывает это горе любовным страданиям. Я ожидал большего... Но прочтем другие письма.

Второе письмо, тоже от дяди, было адресовано в Марсель, о нем Домера упоминал в своем первом послании. Вот оно:

«Получив твою телеграмму, отправленную в день твоего отъезда, я заключил, что ты теперь находишься в море, а послезавтра приедешь в Марсель, где тебя и будет ожидать это письмо. Я сейчас ни в Гавре, ни в Рошвиле, а в Париже, вместе с твоей сестрой, куда приехал по весьма важным делам. Жду тебя в Гранд-отеле. Поедем вместе в Нормандию».

– Вот тебе раз! – вздохнул полицейский. – Ай да письма, на которые я так рассчитывал!

Взглянув на третий конверт, на котором не было марки, Жобен прочел следующую надпись: «Господину Жоржу, лейтенанту зуавов. (Отдать ему, когда приедет в Гранд-отель)». В правом углу конверта было написано вкось: «Поручается служащим в бюро Гранд-отеля». За этим следовала подпись: «Филипп Домера».

Жобен хотел вынуть письмо, но конверт оказался пуст.

– Черт побери! Этого еще недоставало! Но, по всей вероятности, у молодого человека сохранилось это письмо, так как даже конверт уцелел! Что же он сделал с ним?

Жобен внимательно осмотрел все углы комнаты и вдруг увидел в камине смятую бумажку с обгорелым концом.

– Это, должно быть, письмо. Прадель, вероятно, закурил им сигару... Посмотрим.

Полицейский поднял бумагу, расправил ее и с радостью увидел, что не ошибся. Все буквы были целы, сгорел только белый угол письма. Жобен принялся читать. По мере чтения лицо его прояснялось, а в конце из груди вырвался радостный крик, и он выбежал из комнаты с портсигаром и письмами в руках.

XVIII

Между тем у рошвильского мэра ужинали. Фовель недаром гордился своей великолепной столовой: стены были лепной работы, потолок расписан птицами, порхавшими в облаках. Золоченая мебель напоминала времена Людовика XIII. Над столом висела серебряная люстра. Госпожа Фовель в высоком чепце на черных волосах сидела на самом почетном месте. Это была желчная женщина, которая постоянно жаловалась на ветреность мужа. С правой стороны от нее сидел следователь, а с левой – судья. Напротив сидел мэр со своей разодетой дочерью.

Предупрежденная бригадиром, хозяйка приготовила ужин на славу. Ножи, вилки и челюсти работали без усталости. Петронилла и Жан-Мари едва успевали менять тарелки и подавать новые блюда. Превосходное вино Фовеля мало-помалу сглаживало неприятное впечатление, произведенное убийством в замке. Разговор начинал оживляться, как вдруг в коридоре послышались чьи-то торопливые шаги. Дверь быстро распахнулась, и в столовую влетел человек, размахивая над головой какой-то бумагой. Госпожа Фовель от страха закрыла лицо руками, а ее дочь Олинда с открытым ртом и поднятой вверх вилкой прижалась к отцу.

– Жобен! – воскликнул следователь.

– Да, я... – задыхаясь, произнес полицейский.

– Что случилось? У вас, наверно, есть новости? Что-нибудь очень важное? Да вы не можете говорить...

Жобен без всяких церемоний схватил первый попавшийся под руку стакан, наполнил его водой и выпил залпом.

– Уф! – произнес он. – Теперь легче!.. Я обещал вам, господин следователь, предоставить доказательство виновности Жоржа Праделя. Теперь оно у меня в руках. Вот письмо... письмо от господина Домера... это третье, а два других в портсигаре. Однако прежде вы должны узнать содержание первых двух.

Жобен вслух прочел уже знакомые нам письма.

– Ну, и что же вы в них нашли? – спросил следователь с неудовольствием. – Ведь мы знали о намечавшемся приезде в замок молодого офицера, Домера писал об этом Ландри.

– Ах, пожалуйста, не спешите делать заключения, – возразил Жобен. – Эти письма ровным счетом ничего не доказывают, но вы заговорите по-другому, когда узнаете содержание третьего...

И он прочел:

– «Париж, Гранд-отель, девять часов утра, двадцать третье сентября». Запомните хорошенько число, – обратился он ко всем присутствующим, – ведь это три дня назад. Теперь слушайте:

«Милое дитя мое! Не могу дожидаться тебя в Париже, как мы условились, а встречусь с тобой где-нибудь на пути между Парижем, Лионом и Марселем. Мне сейчас же нужно сесть на поезд и отправиться по очень важному делу. Итак, вместо меня и Леонтины тебя ждет в Гранд-отеле это письмо.

Однако я хочу сообщить тебе, по какому делу вынужден уехать. Я узнал, что один из торговых домов в Марселе, в котором у меня помещен значительный капитал, на днях объявит себя банкротом. Потому я и спешу скорее забрать оттуда свои деньги. Леонтину я не мог оставить одну в Гранд-отеле, а взять ее с собой в Марсель было неудобно, и я решил отвезти ее на неделю в пансион, где она воспитывалась. Бедняжка очень скучает, она надеялась увидеть тебя сегодня вечером или завтра... Но что делать! Дела помешали.

Не желаешь ли доставить мне удовольствие, Жорж? Вместо того чтобы пробыть целую неделю в Париже, где ты ни с кем не знаком, отправляйся лучше послезавтра в Рошвиль. Если ты выедешь из Гавра по железной дороге, то в восемь часов утра будешь на станции Малоне, а оттуда за два часа экипаж доведет тебя до Рошвиля. У меня в замке есть управляющий Жак Ландри, отставной моряк, с прехорошенькой дочкой, я напишу им, и они примут тебя по-царски.

Мне же ты окажешь большую услугу. Дело вот в чем: на прошлой неделе вследствие некоторых обстоятельств, которые я могу сообщить тебе только при личной встрече, я оставил в рошвильском замке триста пятьдесят тысяч франков золотом и банковскими билетами. В своем управляющем Ландри я совершенно уверен, но не желал бы подвергать старика опасности. Долго ли пронюхать, что в его комнате хранятся большие деньги! К счастью, об этом совершенно никому не известно, но со вчерашнего дня мною овладело какое-то беспокойство, а потому я буду очень рад, если ты отправишься туда и будешь охранять деньги вместе с Ландри.

Ручаюсь, что ты не будешь скучать. Рошвильский мэр и судья – прекрасные, достойные люди. Ты можешь с ними познакомиться. Притом в Рошвиле превосходная охота, о которой я уже, кажется, писал тебе. Итак, я рассчитываю на твою любезность. Однако до свидания, друг мой, мне некогда! Если наши поезда встретятся, я пошлю тебе воздушный поцелуй.

Любящий тебя Ф. Домера».

Воцарилось молчание.

– Ну что? – спросил наконец Жобен. – Как вам, господин следователь, слова Домера, где он говорит, что никто не подозревает о хранящихся в замке деньгах? Жак Ландри и Мариетта дорого заплатились за доверие своего господина. Станете ли вы теперь называть меня сумасшедшим за то, что я подозревал Праделя? Теперь ясно, что преступление совершил он, никто другой не имел причин убивать Жака и Мариетту, потому что никто не знал, что в замке хранились деньги. Понимаете ли вы?

– Да, – вздохнул следователь, – вы были правы, Жорж Прадель виновен. Ах, бедный Домера! Какой ужасный удар!

– Да, этот Прадель – ловкий мошенник! – продолжал Жобен. – Тем не менее он совершил непростительные ошибки. Я не понимаю, как он мог упустить их из виду?

– О каких ошибках вы говорите? – спросил следователь.

– Во-первых, он поступил очень неосторожно, сообщив свое имя Жану Поке и позволив ему проводить себя к замку. Теперь он не сможет оправдаться тем, что находился в другом месте. Вторая ошибка – что он не уничтожил письмо. Тот факт, что он забыл портсигар, еще в какой-то степени объясним – перед убийством невозможно помнить обо всем. Но письмо! Письмо, компрометирующее его! Он не попытался его уничтожить... Это в высшей степени странно! Признаюсь, подобная глупость изумляет меня. Я никогда бы не поверил этому, если бы не увидел собственными глазами! Но, к счастью, это так. Ведь, не забудь Прадель свой портсигар и не попади это письмо в наши руки, мы подозревали бы в убийстве чревовещателя и подвергли бы его страшному наказанию.

Следователь нахмурился и сказал:

– Может оказаться, что он все-таки виновен, но действовал не один.

– Как! – воскликнул изумленный Жобен. – Вы видите в нем соучастника Праделя?

– Отчего не допустить этого?

– Да где же они могли познакомиться?

– Их свело преступление. Если Сиди-Коко и не сам его совершил, то, вероятно, воспользовался им или получил деньги за молчание.

Жобен опустил голову. Полицейский, конечно, не разделял мнения следователя относительно виновности чревовещателя, но он знал, что спорить в эту минуту было бесполезно,

а потому предпочел молчать. Но оставим их на некоторое время и последуем за бригадиром, отправившимся арестовывать Сиди-Коко.

Предупредив госпожу Фовель о том, что у нее будут гости, он поспешил отыскать четырехместную повозку. Найти ее было нетрудно. Хозяин гостиницы «Яблоко без зернышек», желая прислужиться начальству, предложил свою просторную одноколку, запряженную сильной лошастью. Когда запрягали лошадь, у дверей гостиницы собралась толпа любопытных, так как разнесся слух, что жандармы едут арестовывать убийц. Все толпились, лезли вперед и засыпали вопросами бригадира и двух его помощников. «Кто убийцы? Где они скрываются? Когда их привезут?» Осторожные жандармы молчали.

– Нам приказано не говорить ни слова, – пояснил бригадир. – Скажу только, что вам слишком долго придется нас ждать, а потому советую вам отправиться спать к своим женам, у кого таковые, конечно, имеются...

Было уже темно, когда одноколка выехала со двора гостиницы. Бригадир и один из его помощников сидели на скамейке, подвешенной на четырех ремнях.

– Берегись! – крикнул унтер-офицер, хлопая кнутом.

Толпа расступилась, лошадка побежала крупной рысью, и вскоре звон ее бубенчиков затих вдалеке. Любопытные высказали еще немало нелепых соображений и затем разошлись.

Нам известно, что от Рошвиля до Сент-Авита – двенадцать километров. Несмотря на то что местность была гористая, нормандская лошадь пробежала это расстояние за час с четвертью. Была уже ночь, когда повозка достигла первых домов Сент-Авита – города с населением больше двенадцати тысяч жителей.

Большая улица была почти пуста. Странная музыка комедиантов слышалась в отдалении. Звуки турецкого барабана, китайских колокольчиков, литавр и кастаньет доносились до вновь прибывших.

– У них представление... – прошептал унтер-офицер и, вспомнив приказ следственного судьи, прибавил: – Нам придется немного подождать!

Тут они как раз увидели трактир. Повозка въехала во двор, и ее поставили в сарай, не распрягая лошадь. Трактирщик принес овса, один из жандармов остался возле лошади, а двое других направились к большой площади, где из досок и парусины был выстроен балаган. Перед ним находилась эстрада для музыкантов и клоунов. На эстраду вела лестница с перилами, в конце которой восседала в старом кресле перед маленьким столиком толстая кассирша – законная супруга содержателя Жерома Трабукоса.

Эта матрона брала плату за вход – 20 сантимов. Военные и дети младше шести лет платили только два су. Уплатив эти деньги, посетитель поднимал полосатую занавеску и спускался по лестнице в то место наслаждений, которое маленькая Жервеза простодушно сравнила с раем. Там он располагался на деревянной скамейке, покрытой красным коленкором.

На балагане, освещенном разноцветными фонарями, красовалась широкая парусиновая вывеска, на которой огромными красными и черными буквами было написано следующее:

БОЛЬШАЯ ВЫСТАВКА ЧУДЕС

физических, артистических, забавных и иных;

феноменов, разнородных фокусов, картомании, ученых животных, белой магии, музыки и танцев.

Любителям позволено мериться силами с первыми силачами Франции и Европы.

Справа от надписи висел портрет молодой великанши восемнадцати лет и трех месяцев от роду, весившей двести пятьдесят килограммов, умевшей танцевать качучу⁷ и гадать. Слева были изображены «чудесные упражнения несравненного Сиди-Коко, называемого Зуавом, показывающего штуки наподобие того человека с куклой в Пале-Рояле, на которого стекался посмотреть весь Париж».

⁷ Качуча – испанский танец с кастаньетами, сопровождаемый страстными эксцентричными жестами и позами.

XIX

В ту минуту, когда унтер-офицер со своими подчиненными вступали на площадь, музыка смолкала, а музыканты исчезали поочередно за занавесом, чтобы аккомпанировать представлению, между тем как клоун визгливым голосом зазывал публику с эстрады:

– Милостивые господа! Сейчас начнется! Не упустите случай! Спешите посмотреть на то, чего вы никогда не видели и больше не увидите, потому что выставка чудес оставит вашу общину через три дня, а несравненный Сиди-Коко в скором времени уедет из Франции, из прекрасной Франции, в далекую, холодную страну – в Россию, где бояре осыпят его рублями! Пожалуйста, пожалуйста, честные господа!

Унтер-офицер толкнул своего спутника и тихонько сказал ему:

– Я думал, что чревовещатель удрал, но, похоже, ошибся. Мы не зря сюда приехали!

Жители Сент-Авита хоть и откликались на зазывания клоуна, однако в малом числе. Вероятно, большая часть населения берегла денежки на следующий день, воскресенье, на который приходился храмовый праздник, а в этот праздник любые издержки считались позволительными.

Унтер-офицер вошел вслед за другими по лестнице в сопровождении своего верного спутника. Он собрался было положить двадцать сантимов перед толстой женщиной, как она вдруг воскликнула:

– Кого я вижу? Боже мой! Да это же милый рошвильский капрал собственной персоной! Так я и взяла с вас деньги, капрал! Войдите, войдите, господа!.. Для вас представление бесплатно, вы оказываете выставке чудес большую честь своим посещением.

– Однако, – начал унтер-офицер, – так как мы здесь не при исполнении своих обязанностей, мне кажется, что...

– Нет-нет!.. Капрал, вам неправильно кажется! – перебила его толстушка. – Чтобы я брала деньги с жандармов!.. Да никогда в жизни! Я обожаю жандармов! Все они – души, прелесть! В прошлом году, в Сен-Бриене, мне сильно понравился один жандарм. Ах, какой он был красавец! Даже мой благоверный супруг, Жером Трабукос, ревновал меня к нему, как тигр, хотя между нами ничего такого не было... Войдите, господа, войдите, и если после спектакля вы не побрезгуете выпить рюмочку старого коньяку, то мы с Жеромом к вашим услугам...

Такая настойчивость и уважение к военному мундиру восторжествовали над сомнениями унтер-офицера. Он положил обратно в карман свои двадцать сантимов, прошел в балаган вместе со своим подчиненным и сел позади нескольких дюжин зрителей, вошедших раньше. Появление этих двух представителей власти не произвело на присутствовавших никакого впечатления.

Мы не будем описывать всевозможные упражнения и фокусы, а остановимся на последней части представления, когда на сцену должен был выйти чревовещатель. Наконец, громкая музыка возвестила о его появлении. Сиди-Коко любезно раскланялся перед публикой, которая встретила его бурными аплодисментами. Унтер-офицер наклонился к своему товарищу и шепнул ему на ухо:

– Право, у этого мошенника приятная наружность.

– Действительно, – согласился жандарм.

– Тем не менее если он и кажется спокойным, подобно честному человеку, которому не в чем себя упрекнуть, то это потому, что он умеет скрывать угрызения совести.

Сиди-Коко, которого маленькая Жервеза назвала красивым мужчиной, был действительно красивым молодым человеком двадцати семи или двадцати восьми лет. Черные глаза, блестящие и кроткие, озаряли его смуглое лицо с правильными чертами. Длинные и

густые усы, тонкие на концах, осеняли его губы и делали его похожим на военного. Из-под белого парика, по рассеянности слишком сильно сдвинутого назад, виднелись иссиня-черные волосы, остриженные под гребенку.

Костюм чревовещателя состоял из короткого камзола, покрытого золоченой тесьмой и шнурами, шотландского пояса ярких цветов, белых, чрезвычайно широких брюк и треугольной шляпы с огромным красным пером. Сиди-Коко держал в левой руке маленькую куклу в шелковом платье, так же хорошо одетую, по словам Жервезы, как и Леонтина, племянница господина Домера... Он подошел к рампе, снова раскланялся и заговорил:

– Милостивые государыни и государи, имею честь объявить вам, что я исполню в вашем присутствии представление чревовещателя, благодаря которому я заслужил похвалы самых просвещенных знатоков в городах Франции и всей Европы... Я питаю лживую надежду, что вы не откажете мне в поощрениях...

Пока публика аплодирует вторично, сделаем маленькое отступление. Чревовещание, ныне совершенно вышедшее из моды, в прежнее время пользовалось огромной славой, и даже ученые много рассуждали об этом предмете. Аббат Лашапель, парижский королевский цензор, первым пролил некоторый свет на этот вопрос, более сложный, нежели многие полагают.

Один бакалейный торговец в Сен-Жермене-ан-Лэ, по фамилии Сен-Жиль, стал главным объектом наблюдений королевского цензора. Этот Сен-Жиль серьезно занимался торговлей и не извлекал из своего искусства никакой прибыли, однако не хранил его в тайне. Аббат Лашапель говорил, что «он пользовался своим талантом только для забавы честных людей и для исправления дурных характеров». В подтверждение своих слов аббат рассказывал об одном молодом человеке, недавно женившемся и имевшем наклонность забывать об обете супружеской верности, которого навел на путь истинный таинственный голос чревовещателя. А некоторые прежде неисправимые вымогатели, испуганные голосами, которые, казалось, были не от мира сего, изменились совершенно и пожертвовали свое дурным путем обретенное состояние в пользу бедных и сирот.

После Сен-Жиля чревовещатели, перестав работать единственно ради торжества добродетели, стали извлекать пользу из своего искусства, развлекая публику. Некто барон де Менжен прославился и обогатился посредством сочиненного им диалога, который происходил между ним и тремя или четырьмя фигурками, приводимыми им в движение наподобие марионеток. Его примеру последовали другие. Человек с куклой, пользовавшийся такой популярностью пятнадцать или двадцать лет назад, был также в некотором роде его учеником.

Теперь вернемся в балаган Сент-Авита, к Сиди-Коко, который и не подозревал, что ему угрожает страшная опасность. Он раскланялся еще раз и, показав публике свою куклу, тонкую талию которой он сжимал двумя пальцами, продолжил:

– Милостивые государыни и государи, имею удовольствие представить вам госпожу Сиди-Коко, мою законную супругу...

Эти слова были встречены хохотом, затем, как будто с потолка, послышался хриплый, дребезжащий, ослабевший от водки картавый голос:

– Это твоя супруга!.. Да к тому же законная! Ой-ой-ой! Если у вас будут дети, то одного мне на завод!..

Все подняли голову вверх, жандармы сделали то же. Разумеется, никто ничего не увидел, потому что этим голосом говорил сам чревовещатель.

Тот же надтреснутый голос продолжал:

– Ну чего вы все уставились на потолок, почтенные?.. Вы меня ищите на чердаке, а я в погребе... Ах, черт возьми, вот так ножка! Если у вас, милочка, и другая такая же хорошенькая, то лучших ножек не найдешь!

В эту минуту голос, казалось, звучал наравне с землей. Можно было подумать, что он выходил из-под пола. Иллюзия была столь велика, что женщины вскрикнули, схватившись за платье обеими руками, а трое или четверо из мужчин посмотрели под скамейки. Чревовещатель нахмурился.

– Я не стану это терпеть, – сказал он своим естественным голосом. – Негодяй, осмеливающийся таким образом нарушать порядок, заслуживает строгого наказания. Другие, быть может, удовольствовались бы тем, что изгнали бы наглеца. Я же поступлю иначе... Я его запрячу под землю!

– Ой-ой-ой! – взвыл охрипший голос, на этот раз как будто выходя из-под земли и постепенно ослабевающий. – Как тут холодно и темно! У меня уже начался насморк!.. Апчхи!.. Простите меня, господин чревовещатель... Позвольте мне подняться наверх... Я больше не буду...

– Поздно! – сказал Сиди-Коко. – Тебя нужно проучить: ты пробудешь там до полуночи!

Затем, с улыбкой обращаясь к публике, он продолжал:

– Так как теперь, милостивые государи и государыни, нам больше никто не помешает, продолжим... Я вам сейчас представил свою жену... С виду она смирна, как овечка, и даже умеет молчать – весьма редкое качество среди особ прекрасного пола... И что ж, все это только наружность... В действительности госпожа Сиди-Коко не лучше других... она сердита, своенравна, любит поболтать и хорошо поест, она лгунья, кокетка...

Тут кукла зашевелилась, выразила живейшее неудовольствие и воскликнула звонким голосом:

– Замолчите, супруг! Гадко так поступать с несчастной, беззащитной женщиной... Вы же просто клеветник!..

– Клеветник? – повторил чревовещатель. – Почему вы меня так называете? Разве вы не любите болтать, моя душечка?..

– Разумеется, нет! – ответило маленькое создание. – Я говорю хорошо, но мало. И никогда в жизни не говорю лишнего. Я не сплетничаю, не прохожусь насчет ближних, как это делают другие. Я занимаюсь хозяйством и не вмешиваюсь в чужие дела, и если меня можно в чем-нибудь упрекнуть, так это в излишней молчаливости...

– Прекрасно! Вы скажете, что вы и не сердиты?

– Сердита! Я? – завизжала рассвирепевшая кукла. – Это уж слишком! Не повторяйте этого, черт возьми! А не то я вам выцарапаю глаза!..

– Я вас обвинил напрасно! – рассмеялся чревовещатель. – Все здесь присутствующие могут судить о вашей скромности! Признайтесь по крайней мере, что вы кокетка.

– Вовсе нет!

– Однако ваш туалет обходится мне недешево. Что ни день, то я вижу у вас что-нибудь новенькое.

– Это потому, что у меня хороший вкус. Этим я вам же делаю честь.

– Итак, вы разоряете меня для того, чтобы мне нравиться?

– А для чего же еще?

– Я думаю, что все это делается для разных болтунов!.. Или вы полагаете, что я слеп?

– Разве я виновата, что я хорошенькая и что мужчины это замечают? Вы должны быть этим довольны, муженек, ведь если меня любят, так это значит, что я любезна...

– Очень любезны со всеми этими франтами, которых вы привлекаете в мой дом своими улыбками и нежными взглядами!

– Не могу же я отвечать на их вежливость грубостью!

– Они за вами ухаживают, и вы им подаете надежду!

– Если и так, то ведь это мне ничего не стоит, а им приятно... Но какое вам вообще до этого дело?

– Какое мне дело? Большое дело!..

– Это потому, что вы человек недалекий и полный предрассудков. То, чего вы так сильно боитесь, часто случается и с людьми получше вас, и от этого им не бывает хуже.

– Быть может и так, но мне это не нравится и это со мной не случается!..

– Вы думаете?

– Я в этом уверен...

– Многие мужья говорили то же самое, однако же с ними это случалось... Да и как помешать тому, что захочет женщина?

– Вы будете постоянно со мной!

– Посмотрим!..

– Я буду за вами наблюдать день и ночь!

– Этим вы не возьмете.

– Дура!

– Тиран!

– Я вас запру!..

– Я выскочу в окно!

– Тюрьма, в которую я вас посажу, без окон!

– Желала бы я посмотреть, как вы это сделаете!

– Ну так вот же вам! – С этими словами Сиди-Коко запрятал куклу в один из широких карманов своих брюк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.